

ДЭНИ АТКИНС

НАША ПЕСНЯ

От автора бестселлера
«Виновата любовь?»

Настоящая сенсация!

Дэни Аткинс

Наша песня

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Аткинс Д.

Наша песня / Д. Аткинс — «АСТ», 2016 — (Настоящая сенсация!)

Элли и Шарлотта знают друг друга уже давно – но они никогда не были подругами. Все, что их объединяло, – это чувства к Дэвиду. Для Элли он был первой настоящей любовью, а для Шарлотты стал мужем... Однако время способно залечить любые раны – и Элли тоже обрела собственное счастье. Казалось бы, прошлое осталось далеко позади. Но несчастный случай вновь сводит Элли и Шарлотту. Дэвид оказывается в больнице, в очень тяжелом состоянии. И теперь одной из них предстоит забыть все обиды и принять решение, которое может спасти Дэвиду жизнь...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Аткинс Д., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дэни Аткинс

Наша песня

Dani Atkins
OUR SONG

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

© Dani Atkins, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Ральфу, ты – мелодия моей песни.

Глава 1

Многое могло бы изменить произошедшее в тот вечер. Он мог бы поехать на работу на своей машине, а не оставлять ее жене. Но в таком случае она не успела бы к началу школьного рождественского концерта, а он понимал, насколько Джейку было важно сознать, что хотя бы один из родителей присутствует в зале во время его дебюта в пьесе о Рождестве. Вот таким он был отцом.

Он мог бы отправиться в местный паб с коллегами. Но когда речь шла о том, выпить ли кружку пива в компании своих приятелей или вернуться домой к красавице-жене, выбор его был однозначен. Вернее, выбора тут просто не было. Даже после семи лет супружеской жизни он не был способен упустить ни одного момента, который мог бы провести с ней. Он их и не упускал. Вот таким он был мужем.

Он мог бы не обратить внимания на мольбу детей о помощи, когда шел через парк. Он мог бы сказать им, что их собака как-то справится сама и выберется на берег с середины замерзшего озера. Но, едва увидев страх в глазах животного, тщетно пытавшегося выкарабкаться из образовавшейся на льду полыни, он понял, что просто обязан его спасти. Вот таким он был человеком.

Девочке, наверное, исполнилось лет девять, а мальчик казался даже младше его собственного сына Джейка. Они выскочили из кустов на тропинку, как два ядра, выпущенные из пушки, и тут же набросились на него, что-то безостановочно бессвязно говоря. Вернее, что-то громко крича. Ему поначалу даже пришла в голову сумасшедшая мысль, что дети решили его ограбить. Он даже представил, как придет домой и расскажет жене о том, что на него напали разбойники-первоклашки. *И да, кстати, дорогая, а как прошел день у тебя?* Но им вовсе не нужны были его деньги, и он довольно быстро это понял. Хотя в первые секунды никак не мог разобрать их слов, потому что дети рыдали, чуть ли не впадая в истерику.

– Эй, а ну-ка чуть помедленнее. Что случилось? – поинтересовался он, обращаясь к девочке.

– Пожалуйста, помогите нам. Марти и Тодд попали в беду. Вы пойдете с нами? – Девочка отчаянно тянула его за рукав, пытаясь увести с тропинки куда-то сквозь заснеженные деревья в глубь парка.

Он прекрасно ориентировался в этом месте, так как не раз бывал здесь еще мальчишкой. Потом, уже будучи подростком, он частенько играл тут в футбол, а теперь частенько срезал путь по дороге домой, когда возвращался со стройки жилого квартала, где сейчас работал. За деревьями не было ничего интересного, кроме разве что большого озера с лодочной станцией, располагавшегося на самом краю парка. Он вдруг почувствовал, как по его телу пробежала дрожь, которая, между прочим, не имела ничего общего с понижающейся температурой воздуха.

– Успокойся, – сказал он, сопротивляясь удивительно сильной детской ручонке, тянущей его куда-то в сторону. – Передохни немного и расскажи, что же в конце концов случилось. Кто такие Марти и Тодд и где они сейчас?

Девочка начала рассказывать. При этом по ее щекам струились слезы и говорила она так быстро, что казалось, будто каждое следующее слово въезжает в предыдущее, создавая как бы словесную цепную аварию.

– Марти – это наш старший брат. Мы играли с Тоддом возле озера, и я сказала Марти, что это опасно, а он сказал, что все будет хорошо. Потом Тодд побежал и добежал до середины озера, и сначала все и вправду было хорошо, потому что озеро замерзло, а потом лед

проломился, и он упал в воду, а выбраться уже не мог, а Марти кинулся ему на помощь, а потом и сам свалился в воду.

– Показывайте, где они, – скомандовал мужчина, переходя с шага на бег и направляясь к деревьям. Дети к этому времени немного успокоились, доверившись взрослому человеку, который справится с ситуацией, и семенили следом, наступая ему на пятки. – С вами есть еще кто-то? Ну, кто-нибудь из родителей или еще кто? – спросил он, и слова вылетали у него изо рта четко и отрывисто, одно за другим, окутанные облачками пара. Мысленно он уже отругал взрослых, которые отпустили сюда детей, подвергнув их такой опасности. Да он ни за что в жизни не разрешил бы Джейку отправиться в парк одному. Его чрезмерная заботливость иногда сводила с ума его супругу. Но сами посмотрите, что может произойти с детьми, если предоставить их самим себе. Все кончится тем, что они упадут в полынью на замерзшем озере.

«Держитесь, ребята, – молил про себя мужчина. – Я уже иду».

Он рванулся через заросли кустов к самому краю замерзшего озера. При этом он инстинктивно раскинул руки, прижимая к себе детей и стараясь не допустить, чтобы они, следуя за ним, случайно не соскользнули на лед по плавному склону берега.

– Вон они! – воскликнула девочка, протягивая дрожащую руку и указывая на два пятнышка там, где на расстоянии примерно пятнадцати метров от берега, провалившись под треснувший лед, барахтались в холодной воде заигравшиеся Марти и Тодд.

Мужчина перемещал взгляд от одной полыньи к другой, мгновенно оценивая ситуацию. Положение оказалось не из легких, но, к счастью, не безнадежное, чего он так опасался. От дальней полыньи послышался звонкий лай, перемежающийся с поскуливанием: Тодд успел заметить возвращение своих двуногих «родственников». Но главную тревогу вызывало другое отверстие во льду – именно там находился мальчик лет одиннадцати, который сейчас тщетно пытался удержаться на водной поверхности, цепляясь за ненадежные острые края полыньи. Он плакал и был сильно напуган, но не сводил глаз со своего питомца, который чуть поодаль, тоже не прекращая, барахтался в ледяной воде.

– Держись, сынок. Положи локти на лед и старайся не дрыгать ногами. Я уже иду к тебе, – скомандовал мужчина, на ходу стягивая с себя тяжелую куртку и бросая ее на заснеженный берег.

Лицо у мальчика было мертвенно-бледным от ужаса, а веснушки, напоминание о недавно минувшем лете, казались сейчас брызгами рыжей краски на девственно-белом полотне.

– П-пожалуйста, спасите с-начала Т-тогда, – стуча зубами от холода, взмолился паренек. – Он в воде уже дольше, чем я.

Мужчина ничего не ответил, не желая понапрасну тревожить мальчишку, просто еще раз бросил взгляд туда, где пес все так же тщетно пытался выбраться из полыньи, то и дело обламывая тонкие края льда, казавшиеся сейчас острыми зубами в белоснежных челюстях. Челюстях смерти. Мужчину передернуло.

– Сначала люди, потом собаки, – решительно произнес он и, ступив на берег, покрытый пушистым снегом, сразу же передвинулся на скользкую, как стекло, замерзшую поверхность озера. Соблюдая осторожность, он медленно перенес вес на одну ногу, готовый в любой миг отступить, если лед под ним предательски затрещит и начнет подаваться. Но лед оставался неподвижным, и он позволил себе ступить на него.

Пятнадцать метров. Сейчас они казались длиннее пятнадцати километров. Уже через пару шагов он почувствовал, как под подошвами тяжелой обуви что-то стало меняться. То, что поначалу показалось ему твердым, как каток, теперь начало едва заметно пружинить под его весом. Он замер на месте, потом оглянулся на ребяташек, стоявших на берегу, и ободряюще улыбнулся им. Затем очень медленно нагнулся, сначала просто сгорбившись, потом

встал на четвереньки и, наконец, полностью распластался на ледяной поверхности. «Распределяй вес», – приказал он себе, судорожно вспоминая, какие еще советы и рекомендации можно применить, оказавшись в подобной ситуации. Единственная фраза, приходящая на ум, звучала примерно так: «Не надо этого делать». Он шумно выдохнул и крепче стиснул зубы.

Мужчина медленно пополз на животе к мальчику, сдерживая желание поскорее оказаться на месте. Он хорошо понимал, что лед только обманчиво твердый, да и то не везде. Ему казалось, что он ползет уже несколько часов, хотя прошла лишь пара минут, прежде чем он оказался настолько близко от полыньи, что сумел ухватить мальчика за руку в намокшей шерстяной варежке.

– Держись крепче, – велел мужчина, перемещая пальцы на его тонкое запястье и стараясь покрепче ухватиться за него. – Сейчас мы тебя отсюда достанем. – Он молил, чтобы это обещание было выполнено. Мужчина сосредоточился, и даже собака затихла, словно понимая всю важность момента. И мужчина с силой потянул руку на себя, стараясь не думать о том, что лед может проломиться еще больше или поранить мальчика острыми краями. Все это потом можно будет исправить. А вот если паренек выскользнет у него из руки и погрузится в ледяную воду, ему вряд ли можно будет уже как-то помочь.

Мальчик вылетел из полыньи, как рыбка, попавшаяся на удочку и крепко севшая на крючок. С берега до мужчины донеслись радостные крики детей. Мужчина снова стиснул зубы: его миссия еще не была окончена.

– С-сейчас мы с-спасем Т-тогда?

Мужчина только покачал головой и начал медленно перемещаться назад к берегу вместе с мальчиком.

– Давай-ка мы сначала доставим тебя на твердую землю. – Он еще надеялся, что эта ложь успокоит мальчика и позволит мужчине благополучно вывести его в безопасное место. Сейчас мальчик казался слишком уж тяжелым из-за намокшей одежды, хотя с виду был довольно худощавым. Как раз из-за этой худобы он мог сильно переохладиться.

Мужчине редко выпадало испытать такое невероятное облегчение, как в тот момент, когда он вытащил мальчика из воды. Наверное, что-то подобное он почувствовал в роддоме, когда ему сказали, что два самых дорогих ему человека чувствуют себя хорошо. Мужчина поднял с земли свою теплую куртку и закутал в нее мальчика, перед этим энергично растерев ему руки, чтобы восстановить кровообращение.

– С тобой все в порядке? Ты можешь нормально дышать? Нигде ничего не болит? – осыпал он мальчика вопросами, одновременно доставая из кармана своей куртки телефон.

– Ничего не болит, только очень холодно, – проговорил мальчик, едва шевеля посиневшими губами. – Спасибо вам. А сейчас ведь вы спасете Тодда, да?

Мужчина связался со службой спасения и сразу же предупредительно поднял вверх руку, чтобы не отвечать сразу. Он попросил немедленно прислать к озеру карету «Скорой помощи», прекрасно понимая, что глаза выдадут помимо его воли. Он никогда не умел врать. Младшие брат и сестра съезжились возле своего старшего брата, и все трое устремили взгляды туда, где последний член их семьи все еще оставался в смертельной опасности. Они о чем-то быстро перешептывались, но до мужчины пока не доходило то, что они сейчас задумывали. Только когда он увидел, что Марти сбрасывает с себя куртку, он понял их намерения.

– Вы и не собираетесь помочь Тодду выбраться из воды, да? – дрожащим голосом спросил мальчик. Три пары глаз уставились на мужчину в надежде увидеть, что они ошибаются.

– Но это же всего лишь собака, – пробормотал мужчина, уже понимая всю тщетность убедить детей в том, что он не может ничего поделать.

– Конечно, он собака, – подтвердил младший мальчик, и в его глазах мелькнуло пренебрежение, а в голосе прозвучали насмешливые нотки. – Но ведь вы вытащили Марти, почему вы не можете спасти Тодда?

Они принялись сверлить его глазами, и ему показалось, будто перед ним сейчас стоят самые настоящие испанские инквизиторы, только очень маленькие. Мужчина оглянулся на озеро и сразу понял, что героические усилия животного спастись катастрофически сходят на нет. Собака слабела и продолжала все больше замерзать с каждой секундой. С каждой попыткой пса выбраться на поверхность от кромки льда откалывался очередной кусок, отбрасывая несчастное существо назад в ледяную воду.

– Он сам выберется, – ответил мужчина, хотя уверенность в его голосе отсутствовала полностью. – Собаки – очень умные животные. Ему надо просто чуть больше времени.

Только что спасенный мальчик бросил на мужчину разочарованный взгляд.

– Вы просто обязаны спасти его, иначе он утонет или замерзнет насмерть, – объявил он тоном, не терпящим возражений. – А если вы этого не сделаете, тогда я сам ему помогу. – И он двинулся к берегу.

Мужчина остановил его. Мальчик попытался вырваться из сильных рук.

– Или я, – решительно произнесла девочка, вплотную подходя к краю озера, что становилось уже опасным.

– Или я, – добавил самый младший брат.

Мужчина тихо застонал от отчаяния. Он мог бы оставить одного ребенка, но не троих одновременно.

– Тодд! – закричал мальчик, пытаясь вырваться из крепких мужских рук. И тут трое малышей одновременно чуть не задохнулись от ужаса, увидев, что голова животного исчезла в полынье. Прошло десять мучительных секунд, и вот мокрая взъерошенная морда снова появилась над поверхностью озера. Именно в этот миг мужчина понял, что выбора у него не осталось, потому что увидел глаза собаки, в которых читалось полное поражение. Животное перестало сопротивляться судьбе.

– Вот черт! – тихо пробормотал он, оглядываясь по сторонам в надежде найти какой-то другой способ помочь собаке. Он еще надеялся, что вот сейчас, возможно, появится еще кто-то из взрослых, но никого не было. Мужчина понимал, что его идея была не из самых удачных, но один раз лед его вес уже выдержал, значит, выдержит и во второй. Он на это очень надеялся.

Он повернулся к детям, которые теперь уже все вместе рыдали взахлеб, положил руки на плечи двум старшим и твердо произнес:

– Хорошо. Слушайте меня внимательно. Я попробую помочь Тодду, но только при одном условии.

Три кивающие головки убедили его в том, что дети согласны на любые предложения.

– Никто из вас не сделает и шага на лед. Ни единого шага! Только я сам. Это понятно? Никто из вас не тронется с места, пока я не вернусь, что бы ни произошло. Обещаете?

Глаза у детей округлились от ужаса, но они снова дружно кивали. Мужчина в последний раз оглянулся, хотя уже и не надеялся увидеть никого из взрослых в этом месте и в это время суток. Тогда он посмотрел в небо. Через четверть часа уже стемнеет, и если он действительно решил совершить столь безумный поступок, то ему стоит поторопиться.

И он снова ступил на лед.

* * *

Такси высадило его на углу, рядом с магазином.

– Здесь будет в самый раз, приятель?

Мужчина оторвал взгляд от экрана, отвлекаясь от проверки почты. По Оксфорд-стрит спешили многочисленные прохожие, намеревавшиеся в самый последний момент что-то приобрести к Рождеству. До праздников оставалось уже меньше недели.

– Да, так хорошо, – пробормотал мужчина, захлопывая крышку чехла телефона и машинально вынимая из бумажника купюру. Он даже не взглянул на счетчик такси, а просто передал деньги шоферу, так же привычно произнес «сдачи не надо».

Таксист улыбнулся, получив столь щедрые чаевые, и быстро убрал банкноту в карман, испугавшись, как бы клиент не сообразил, что перепутал цвет и выдал ему не ту.

– Счастливого Рождества, приятель, – добавил он, наблюдая за тем, как мужчина выпрямляется, заметив что-то интересное в окне автомобиля.

Тот только кивнул – теперь все его внимание было приковано к углу возле магазина, где они и остановились. Там у входа расположился небольшой духовой оркестр, или ансамбль, или просто группа музыкантов (он никогда не мог понять, в чем именно заключается разница между ними). Но, как бы они ни назывались, это были люди с инструментами, выстроившиеся широким полукругом, стоя за пюпитрами. И все они следили за активно жестикулирующим дирижером. Улицу заполнили звуки рождественского гимна, глуша шум лондонского транспорта и вызывая ностальгическую улыбку даже у тех пешеходов, которые, не останавливаясь, чтобы послушать музыку, просто шли мимо по своим делам.

Он двинулся в сторону торгового центра, замедлив шаг из-за плотной толпы спешащих куда-то горожан. Однако не успел он пройти и двадцати метров, как его что-то неожиданно остро кольнуло, отчего он чуть не задохнулся.словно крохотная огненная комета попала ему прямо в грудь. Все это было настолько внезапно, что он резко остановился. Так что в него врезался идущий всего в двух шагах позади господин в кожанке, весь в тату и пирсинге.

– Да что ты себе позволяешь прямо на улице, чтоб тебя! – огрызнулся парень в татуировках. Видимо, на него совершенно не повлияла всеобщая волна рождественского настроения и веселья, уже захватившая тех, кто собрался вокруг музыкантов.

– Простите, – пробормотал мужчина. Сейчас его больше беспокоили вот такие повторяющиеся и необъяснимые симптомы, нежели недовольство и раздражение этого типа. Он вполне определенно заболел. И это был уже третий похожий случай за последние пару дней. Он протянул руку и ухватился за ближайший столб, выжидая, когда боль утихнет. На улице было холодно. Но несмотря на то, что прогноз погоды обещал снегопад в городе днем и вечером, мужчине вдруг стало нестерпимо жарко. Ему едва удалось побороть желание сорвать с себя дорогое шерстяное пальто и даже пиджак. Свободной рукой он вытер рот и ничуть не удивился, когда обнаружил собравшиеся над верхней губой крохотные капельки пота.

Плвать и на это. Скорее всего, он все-таки подхватил тот самый вирус, который «гуляет» в его офисе. Надо же так не повезти – заболеть как раз перед рождественскими праздниками! Впрочем, у него еще остается целая неделя до полета – а это достаточно времени, чтобы успеть выздороветь. Он улыбнулся и похлопал себя там, где во внутреннем кармане лежали билеты в Нью-Йорк – сюрприз жене к Рождеству. Ей уже давно хотелось вернуться туда, а он все находил отговорки и откладывал поездку. Но стоит ли так усердно трудиться, как они с женой, если не можешь себе позволить один разок изменить график и побаловать себя? Он снова улыбнулся и представил себе ее лицо, когда она узнает, что он задумал. Он зарезервировал для них номер в самом дорогом отеле, заказал билеты на лучшие места отличного шоу на Бродвее и был готов ждать ее сколь угодно долго, пока она будет ходить по магазинам, или осматривать достопримечательности, или просто делать все, что только пожелает. И если это не настоящая любовь, тогда он не мог бы сказать, существует ли настоящая.

Боль в груди длилась меньше минуты. Он напомнил себе купить упаковку таблеток парацетамола, пока будет ходить по магазину, и снова влился в поток пешеходов. Вокруг музыкантов собралась толпа народа, кое-кто уже подпевал. Это замедлило общее движение, и ему пришлось немного постоять, прежде чем он наконец добрался до вращающихся стеклянных дверей торгового центра. Он стоял спиной к оркестру. Сам он был далек от музыки, но, как только услышал сзади громкие звуки трубы, мгновенно узнал инструмент. Его, как много лет назад, опять охватило импульсивное желание, сопротивляться которому не было никаких сил. Он повернулся, и его взгляд сразу же устремился на музыканта, игравшего на сверкающем инструменте. Это получилось невольно, как происходило всегда, когда он оказывался на шоу, концерте или в другом месте, где играла живая музыка. Мелодия трубы словно завораживала его, подобно пению сирены, и сопротивляться ей не было никакой возможности. Так было всегда, все эти годы и, по всей вероятности, будет продолжаться и дальше. Потом он перевел взгляд на лицо музыканта, игравшего на трубе на шумной лондонской улице. Это была не она. Как и всегда.

Занавес горячего воздуха обдал его теплой волной сверху, из вентиляционных отверстий, как только он вошел в магазин. Ему даже показалось, что он вошел в теплицу. Этому способствовало еще и то, что в воздухе над покупателями навязчивой смесью витали всевозможные ароматы самых разных духов и косметических средств. На мгновение он даже пожалел о том, что решил зайти сюда посреди рабочего дня. Но его расписание перед праздниками было плотно забито деловыми встречами, и, пожалуй, сейчас обнаружилось единственное свободное окно, чтобы прийти сюда. В последующие несколько дней такой возможности у него уже не будет.

Его отнесло потоком покупателей прочь от входа, и он двинулся вместе с ними, пока не нашел нужный ему отдел. Бесспорно, у человека ростом выше метра восьмидесяти существуют определенные преимущества. Одно из них – способность увидеть кое-что поверх голов идущих впереди и по сторонам. Ему удалось успешно миновать ненужные отделы, а также вовремя уклоняться от не интересующих его распыляемых образцов одеколона. Наконец, он приблизился к нужному отделу.

Он подыскивал еще один – последний – подарок к Рождеству для своей жены, чтобы присоединить его к целому вороху блестящих праздничных пакетов и сумок, заранее сложенных в дальнем углу его шкафа. Оба супруга испытывали некое чувство вины за то, что каждый раз старались порадовать друг друга чуточку больше, чем следовало бы. Это происходило всякий раз в дни рождения, на годовщины и, разумеется, в Рождество. Можно было бы легко все объяснить, заметив, что таким образом они старались компенсировать то, чего им как раз не хватало в жизни. Однако правда была гораздо проще. Ему просто нравилось баловать ее.

Он стоял перед сверкающим изобилием модных ювелирных изделий, надежно запертых в стеклянном шкафчике-витрине, довольный собой потому, что правильно запомнил название той коллекции, которая ей особенно понравилась, о чем она и сообщила ему как-то между прочим пару месяцев назад. Но он не ожидал, что коллекция окажется огромной и выбор у него будет бесконечным. Теперь он явно нуждался в посторонней помощи.

– Чем могу вам помочь?

Он поднял взгляд и улыбнулся продавщице, которая, в свою очередь, успела заметить высокого, исключительно привлекательного мужчину с выразительными голубыми глазами, стоявшего в ее отделе. Она ответила ему улыбкой, и ее интерес к нему мгновенно возрос. Мужчина, правда, даже не заметил, насколько изящно она придвинулась поближе к витрине и как при этом расширились ее зрачки, когда она снова взглянула на него. Его нельзя было назвать надменным и самоуверенным, но такая ее реакция не показалась ему необычной. Женщин буквально притягивало к нему. В этом смысле он не испытывал никаких затрудне-

ний. «Только один-единственный раз», – напомнил ему голос, который он старался больше не слышать. Он быстро погасил искорку памяти, прежде чем она успела превратиться в огонек, сделав это мгновенно, но очень тщательно. Черт бы побрал эту трубу в оркестре, подумалось ему в тот момент.

– Да, пожалуйста, если можно. Я подыскиваю подарок своей жене.

Разочарование на лице продавщицы казалось почти незаметным, к тому же она быстро опустила голову.

– Вы уже думали о чем-то конкретном? Нам только что привезли чудесные ожерелья и браслеты. Может быть, начнем именно с них? – Мужчина кивнул и беспомощно пожал плечами, а продавщица рассмеялась: – Не волнуйтесь, мы помогаем многим мужьям подыскать особый подарок для супруги. Я просто уверена, что мы обязательно найдем что-нибудь идеально подходящее именно для нее.

Прошло пятнадцать минут, но он так и не приблизился к решению. Машинально провел пальцем по внутренней части воротничка рубашки, низко склонившись при этом над витриной и изучая разложенные на синем бархате украшения. Похоже, в магазине стало еще жарче, и теперь он подумал, что, возможно, они включили какие-то дополнительные обогреватели. Вдобавок ко всему рядом с его головой оказалась яркая лампа, освещающая витрину, которая сейчас почти обжигала ему макушку. Мужчина буквально обливался потом, все его тело стало липким, и он снова пожалел о том, что не купил парацетамол сразу же, как только вошел в магазин. Ему почему-то казалось, что в этом случае он сейчас чувствовал бы себя гораздо лучше. А ведь всего-то и надо было проглотить пару таблеток!

Его охватило внезапное гнетущее желание выбраться из этого магазина, слишком переполненного толпой, слишком душного и слишком уж взвинтившего цены. Ему хотелось... да что там хотелось – ему было просто необходимо сейчас глотнуть свежего воздуха – прохладного свежего воздуха. Он чувствовал, как учащенно бьется пульс на шее. А когда он заговорил, понял, что ему не хватает воздуха и приходится совершать над собой усилие, чтобы произносить слова и дышать одновременно.

– Я возьму вот это, – заявил он, наугад постучав пальцем над одним из коле.

– Разумеется, – отозвалась продавщица, отделяя украшение от всех остальных. – Вы хотели бы его упаковать в подароч... – Внезапно она запнулась, и теперь в ее голосе зазвучали нотки беспокойства. – С вами все в порядке?

Он попытался улыбнуться, чтобы убедить ее в своем отличном самочувствии, но от одной только попытки сделать это челюсть пронзила жгучая боль.

– Все хорошо, – солгал он, кладя одну руку на прилавок, поскольку уже не был полностью уверен в том, что ноги его не подведут и будут по-прежнему поддерживать в вертикальном положении. – Здесь у вас немного душно.

– Может быть, принести вам стакан воды или еще чего-нибудь?

Мужчина только кивнул в ответ, стараясь сохранять воздух в легких, которые, казалось, тоже с трудом справляются со своей привычной работой. «Что же это за грипп такой?» – с беспокойством подумал он.

Он так и не услышал, как продавщица попросила одну из своих коллег принести воды, потому что сосредоточился на том, как бы не завалиться на пол прямо здесь, в проходе ювелирного отдела, и не устроить таким образом целый спектакль для многочисленных посетителей магазина.

– Вон там можно присесть, – снова пришла на помощь продавщица, чуть притронувшись к его локтю и указывая на обтянутый красным бархатом стул возле соседней витрины.

– Нет-нет, все в порядке, – ответил он, не сознавая того, что его слова слетали вовсе не с розовых, а скорее со стремительно посиневших губ.

Вот теперь продавщица заволновалась по-настоящему.

– Может быть, вы хотите, чтобы я позвала менеджера? Он сделал бы объявление, чтобы узнать, не находится ли сейчас в магазине врач.

– Боже, не стоит, – горячо возразил мужчина. – Это просто начало гриппа. Через минуту пройдет.

Женщина восприняла такое объяснение с большим сомнением и принялась оглядываться, чтобы узнать, не принесли ли воды. Но рядом не было никого нужного ей, только сустились и толкались покупатели, словно декоративные карпы, которых только что начали кормить.

– Вот, – сказала продавщица, ныряя куда-то под прилавок и извлекая оттуда свою сумочку. – Возьмите. Я ее еще не открывала. – С этими словами она нашла в сумочке невидимую бутылку питьевой воды, которую тут же протянула мужчине через прилавок.

– Спасибо, – еле слышно пробормотал тот.

Он попробовал открыть бутылку одной рукой, поскольку другой все еще опирался о прилавок, поддерживая собственный вес. В конце концов тонкая пластиковая крышечка поддалась и слетела с горлышка бутылки. Правда, выпить воды мужчине так и не удалось, поскольку как раз в тот момент, когда он трясушейся рукой поднес ее ко рту, сумасшедшая боль обрушилась на его грудь, сжимая ребра. Казалось, будто его сковали стальным обручем и с каждой секундой стягивали его все крепче. Перед глазами заплескали серые пятна. Он разжал пальцы, выпуская бутылку, и небольшой фонтан брызнул прямо на стекло витрины ювелирных украшений. Через мгновение мужчина рухнул на пол одновременно с маленькой пластиковой емкостью.

Элли

Говорят, что запахи сильнее всего вызывают в памяти некие образы, связанные с определенными событиями и эмоциями. Думаю, что соглашусь с таким утверждением. Потому что для меня запах куриных наггетсов навсегда останется вестником плохих новостей. Тут я, наверное, должна пояснить, что не куриных наггетсов вообще, а именно подгоревших. В тот день они подогревались на гриле. Одна сторона уже приобрела золотистый оттенок, другая тоже была почти готова, но в этот момент кто-то постучался ко мне в дом. На секунду я подумала, что муж забыл ключи, потом вспомнила, как он еще утром отсоединил от связки ключи от машины и отдал их мне.

За стеклом входной двери, покрытым морозным узором, я смогла разглядеть два смутных силуэта и посмотрела по сторонам в поисках своего кошелька. Было немного рано встречать певцов-исполнителей рождественских песен. К тому же фигуры тех, кто стоял за дверью, были достаточно высокими. Правда, сейчас старшеклассники, если только они не одеты в свою школьную форму, зачастую выглядят как взрослые люди. Итак, это были не подростки и не певцы. Тем не менее они все же оказались в форме. Как только я открыла дверь, оба одновременно сняли головные уборы, и при этом их движения оказались настолько согласованными, как будто в полицейской академии преподавали еще и синхронное плавание. В мозгу невольно промелькнула мысль, для чего они это сделали. Я уже чувствовала, как одна моя рука непроизвольно тянется к шее, поскольку у меня почему-то сразу перехватило горло и я боялась, что сейчас закричу. Другая рука так же машинально ухватилась за дверной косяк, чтобы не дать мне упасть.

– Миссис Тэйлор?

Я кивнула.

– Миссис Александра Тэйлор?

А это еще зачем? Почему они задают два вопроса там, где достаточно одного? Зачем терять время, хотя и так понятно, что я и есть та самая женщина, которая им нужна. Это было видно хотя бы тому, с какой скоростью кровь отхлынула от моего лица.

– Что случилось? Что-то с Джо? Что произошло?

Что за глупый вопрос! Конечно, что-то произошло. Это было видно по их взглядам, по их фуражкам, которые они так аккуратно держали под мышками, это было понятно и по той паузе, которую они выдержали перед тем, как мне ответить.

– Боюсь, произошел несчастный случай, – начал высокий полицейский, тот, что был немного постарше.

Я посмотрела на второго мужчину, стоявшего рядом с ним, как будто у него имелись какие-то другие новости, но он лишь как-то неловко смотрел в сторону и, судя по всему, нервничал. Я догадалась, что ему впервые приходится выполнять подобную миссию.

– Но машина у меня, – глупо ответила я, поскольку я всегда боялась именно скользких обледеневших дорог.

– Это не автомобильная авария, – негромко продолжал полицейский, словно плохие новости каким-то образом смогли значительно уменьшить мои умственные способности. Впрочем, не исключено, что именно так и было. – Можно нам войти?

Меня так и подмывало сказать им «нет», потому что мне не хотелось даже думать о том, что все это происходит на самом деле. Я хотела закрыть дверь – даже с шумом захлопнуть ее – прямо перед их молодыми, полными сочувствия лицами, объяснив, что они ошиблись адресом и им нужна совсем другая женщина, потому что речь идет совсем о другом мужчине.

Пошатываясь, я прошла в коридор, а они последовали за мной. Один из них при этом успел подхватить меня под локоть, чтобы поддержать.

– Это Джо. Что с ним произошло? Что еще за несчастный случай? Он...

– Ваш муж жив. Его отвезли в больницу Святой Елизаветы. Последняя информация, которой мы располагаем, – это что состояние у него критическое и он все еще находится без сознания.

Запах подгоревших хлебных крошек из кухни проник в коридор, смешиваясь с совершенно непостижимыми словами.

– Врачи «Скорой помощи» успешно реанимировали его на месте происшествия, но пока что остается непонятным, как долго он оставался без дыхания. Он некоторое время не дышал.

Джо перестал дышать? Это какая-то чудовищная ошибка, не иначе. Джо всегда прекрасно дышал. По ночам даже достаточно громко, но мне это даже немного нравилось. Да он просто великолепно дышал!

– Я не понимаю. Что произошло с моим мужем? – закричала я, хватая полицейского за синий рукав, словно хотела вытряхнуть из него ответ.

– Простите, нам нужно было все сразу объяснить. Боюсь, что, говоря формально, он тонул, миссис Тэйлор, – слышались еще более непонятные и немыслимые слова офицера.

Где-то вдалеке, на кухне, зазвенел звонок, сигнализирующий о появлении в помещении дыма.

Шарлотта

– «Насыщенный мак» или «Алая шалунья»? – чуть усмехнувшись, поинтересовалась маникюрша. Я изучила оба пузырька, стоявшие передо мной на столе. Моя рука зависла над ними, чуть перемещаясь взад-вперед, прежде чем я выхватила тот, в котором красный оттенок был темнее.

– Думаю, что путешествие в Большое Яблоко заслуживает более смелого цвета, вот как этот, – решила я, передавая его девушке.

– Как же вам повезло-о-о, – вздохнула она, яростно тряся пузырьком, как это делают бармены, смешивая коктейли. – Я бы сильно удивилась, если бы мой бойфренд подарил мне что-то более дорогое, чем набор для ухода за лицом или телом из супермаркета. Он никогда и не думал приготовить мне сюрприз к празднику.

Я заерзала на стуле, немного смутившись оттого, что вот так выпалила свой секрет девушке, которую практически не знала и с которой виделась только во время посещения салона красоты, когда делала маникюр. Но мне надо было поделиться этим хоть с кем-нибудь. Я была чересчур возбуждена, мне требовалось немедленно высказаться. Я не могла рисковать и вернуться домой с этой информацией. Я непременно выдала бы себя, рассказав Дэвиду, что совершенно случайно обнаружила одно из его писем, которое он забыл удалить и в котором подтверждал все детали, связанные с заказанным им маршрутом. Таков был его подарок-сюрприз на Рождество. И дело вовсе не в том, что я специально копалась в его почте или что-то вроде того. Я наткнулась на письмо совершенно случайно, когда искала нечто совершенно с этим не связанное.

Я уже представила себя сидящей на скамье подсудимых после предъявления мне обвинений. «Что вы, ваша честь, я не из тех жен, которые роются в почте своего мужа. Честно». Я даже улыбнулась.

Ну, может быть, всего один раз... но это было очень давно. Можно сказать, что это была другая жизнь, и в ней – другая я. Какие-то незначительные обрывки воспоминаний явились из ниоткуда, чтобы пронзить насквозь мое хорошее настроение, затаскивая меня назад, в ту самую ночь, а это уже было не так давно. Месяц или, может, два назад, когда невнятное бормотание мужа среди ночи разбудило меня. Я невольно напряглась и слегка дернулась, отчего маникюрша промахнулась и капнула ярко-красным лаком на кожу возле моего идеально овального ногтя.

– Простите, – пробурчала я.

Она лишь мельком взглянула на меня, умело пряча раздражение и быстро исправляя ошибку.

Мне повезло и в том, что меня смогли так быстро принять в салоне, поскольку я позвонила довольно поздно. Впрочем, я считалась постоянной клиенткой, так что они быстро поменяли местами кое-какие сеансы, и вот я уже здесь. К тому же мне даже не пришлось срываться с работы в рабочее время. Вот одно из преимуществ собственного бизнеса – босс всегда будет великодушен и лоялен в подобных случаях.

Я ничуть не сомневалась в том, что Дэвид заранее побеспокоился обо всех мелочах, касающихся нашего путешествия. Он был великим мастером в организации любого дела, за какое бы ни брался. Впрочем, учитывая его работу, по-другому и быть не могло. Вот почему у нас не будет никаких проблем с документами, никаких просроченных страховок или недействительных паспортов. И все же при всем при том он оставался типичным мужчиной. Он просто не понимал, что любая уважающая себя женщина, отправляясь в отпуск, непременно позаботится о том, чтобы сделать себе идеальный маникюр, педикюр и посетить солярий для получения золотистого «бразильского» загара.

Я, конечно, не собиралась показывать ему, что мне уже все известно о нашей поездке в Нью-Йорк сразу после Рождества. Он был бы очень расстроен, если бы я лишила его возможности сообщить о сюрпризе. Особенно если учесть, сколько всего ему пришлось проделывать для того, чтобы устроить его для меня. И я, конечно, не собиралась портить этот драгоценный момент. Поэтому последние несколько дней провела немало времени перед зеркалом в ванной комнате, тренируя удивленное и одновременно восхищенное выражение лица. Это

продолжалось до тех пор, пока я не убедилась в том, что достигла желаемого результата – идеального сочетания изумления и безумной радости.

Я почувствовала, что опять улыбаюсь, ожидая, когда подсохнет первый слой лака. Маникюрша была права: мне жутко повезло. Я счастливая девушка. Я взглянула на свое отражение в одном из многочисленных зеркал салона. То есть, конечно, надо поправиться – я счастливая женщина, а не девушка. Когда в свой день рождения ты понимаешь, что тебе уже не двадцать с хвостиком, ты, наверное, должна признать, что нельзя больше продолжать называть себя девушкой. Я снова взглянула на свое отражение и подумала, что Дэвид, вероятно, был прав, когда утверждал, что я не выгляжу на свой возраст. Я натуральная блондинка, у меня стильная стрижка, и волосы мягко обрамляют мое лицо, очерчивая скулы. Я сделала себе легкое мелирование, отчего теперь создается впечатление, будто я только что вернулась после двухнедельного отпуска где-то в солнечном местечке. У меня имелись и деньги, и время, чтобы тратить их на макияж, маникюр, автозагар и различные косметические процедуры для лица. Я знала, что смотрюсь намного моложе женщин, мимо которых прохожу на улице, причем тех, которые, очевидно, были моими ровесницами. Эти женщины, измученные жизнью, переживали всевозможные стрессы. Они толкали перед собой коляски, торопились или к няням, или в ясли. Или же тянули за собой ребятишек, у которых при этом полностью отсутствовало желание поторопиться. Везучая. Какая же я везучая!

Когда маникюрша начала наносить второй слой лака, усыпляющую музыку, нежно играющую в салоне, неожиданно прервал резкий рингтон, шедший откуда-то снизу, рядом с моими ногами. Я взглянула вниз и увидела, что моя рыжеватая кожаная сумочка чуть заметно вибрирует, словно в ней спряталось какое-то крохотное живое существо.

– Простите, – тут же извинилась я. – Я забыла отключить звук.

– Ничего страшного, – убедительно произнесла маникюрша, и ее рука с кисточкой зависла в воздухе. – Хотите ответить? – поинтересовалась она прежде, чем продолжить работу.

Я отрицательно замотала головой:

– Нет. Мне можно оставить сообщение на голосовую почту. Я не буду отвечать.

Но телефон не умолкал. Прошло несколько мгновений, в течение которых звонивший мог бы и в самом деле оставить свое сообщение, но телефон зазвонил снова. Я нахмурилась, глядя на сумочку, словно этого было достаточно для того, чтобы звонивший успокоился и перестал меня донимать.

– Вы уверены, что не хотите ответить? – снова поинтересовалась маникюрша.

Я посмотрела на свои сверкающие красные ногти, которые сейчас напоминали кончики крылышек какой-то экзотической бабочки. Мне нельзя было ни до чего дотрагиваться минут десять, иначе я непременно уничтожила бы всю эту красоту.

– Нет. Кто бы ни звонил, пусть подождет, – заявила я.

Но, скорее всего, ждать они не могли, потому что моя сумочка молчала всего с минуту, а потом телефон принялся звонить снова.

– Простите меня, мне так неудобно! – извинялась я.

Девушка перестала накручивать крышку на флакон с прозрачным лаком, который только что начала наносить мне на ногти.

– Не волнуйтесь. Такое часто случается. Может быть, вы хотите, чтобы я ответила за вас, пока ваши ногти не высохли?

Есть что-то неприятное и тревожное в тех секундах, когда ты наблюдаешь за посторонней женщиной, копающейся в твоей сумочке. Но я сразу же успокоилась, когда она наконец извлекла телефон, положила его себе на ладонь и уставилась на экран.

– Дэвид, – прочитала она. – Это ваш...

– Да, это мой муж, – сказала я и прикусила губу.

Он, наверное, думал, что я еще в офисе, потому что я не предупредила его о своем намерении провести несколько часов, готовясь к путешествию. Ведь предполагалось, что я вообще о нем ничего еще не знаю.

– Вы могли бы просто сказать ему, что я сейчас по горло загружена работой и перезвоню ему сама минут через двадцать?

Дэвид не знал всю мою команду, так что, если мне снова повезет, он подумает, что говорит с кем-то из моих младших помощниц.

– Разумеется, – ответила она и нажала на кнопку, чтобы принять вызов.

– Только ничего не говорите о том, где я сейчас нахожусь, – прошептала я в тот момент, когда она уже открывала рот, чтобы ответить. – И про Нью-Йорк ни слова, – в панике скороговоркой добавила я.

Я откинулась на спинку стула, испытывая некоторое чувство вины, словно сейчас изменяла ему или что-то в этом духе, что было, конечно, полным безумием. Как будто я вообще была на такое способна!

– Алло. Нет, это не она, боюсь, что сейчас она не может подойти к телефону.

Последовала пауза. Поскольку я внимательно наблюдала за маникюршей, пока она вралась моему мужу по моей же просьбе, я заметила тот самый момент, когда она поняла, что случилось что-то страшное. Осознание этого залило все ее лицо, и оно стало пунцовым.

– Что такое, что он сказал? – нетерпеливо спросила я.

Маникюрша протянула телефон мне.

– Это не он. Это какая-то женщина.

Не было никаких причин думать о том, как ее зовут, хотя в то мгновение, когда я нагнулась над столом, мне в голову пришло только одно имя. Маникюрша прижала телефон к моему уху.

– Алло, кто говорит? – Я услышала в своем голосе удивительную строгость.

– Меня зовут Мария. Я работаю в торговом центре «Сандерсонс». Я разговариваю с миссис Уильямс?

Даже в ту секунду, когда я утвердительно отвечала ей, мой мозг со скоростью компьютера перебирал всевозможные причины этого звонка. И только один вариант казался логичным. Дэвид потерял свой телефон, а эта женщина где-то его нашла. Мне понравилось такое решение. В нем был некий смысл.

– Миссис Уильямс, ваш муж попросил меня позвонить вам...

– Попросил? Простите, я не понимаю вас. – Я запнулась, а моя теория грохнулась на пол, где благополучно и с треском разбилась вдребезги.

– Он находился в магазине, делал покупки для... ну, это неважно, но при этом он... он неважно себя чувствовал.

В следующую секунду я дернула рукой и выхватила свой телефон у маникюрши, разумеется, смазав при этом все ногти. Перед моим мысленным взором прошло сразу несколько кадров. Дэвид, отказавшийся вчера поужинать, едва прикоснувшись к еде. Дэвид, останавливающийся между лестничными пролетами, чтобы перевести дыхание, при подъеме домой. И его лицо, когда он целовал меня сегодня перед уходом на работу, оно было бледнее, чем обычно.

– Дэвид еще там? Вы не могли бы передать ему телефон? Ну, пожалуйста...

– Сейчас это невозможно, миссис Уильямс, – ответила женщина чуть сдавленным голосом, отчего у меня возникло безумное предположение, что она плачет.

Страх окутал меня со всех сторон, как невидимый плащ.

– Почему нет? Где он? Он у вас там?

Женщина будто колебалась, но потом заговорила:

– Да, сейчас он не сможет подойти к телефону.

– Почему не сможет?

– Потому что сейчас с ним занимаются врачи «Скорой помощи», – продолжала незнакомая женщина, голос которой доносился из телефона Дэвида. – Его как раз сейчас перекладывают на носилки.

– Врачи «Скорой»? Зачем ему понадобилась «Скорая»? – Теперь в моем голосе звучал панический страх. – Зачем носилки? Пожалуйста, я прошу вас, скажите, что с ним случилось.

Я слышала где-то вдалеке приглушенные голоса. Прошла пара секунд, прежде чем женщина заговорила снова:

– Мне только что сказали, что его отвезут в больницу Святой Елизаветы, и вы там его увидите.

– Но почему его везут в больницу? Я ничего не понимаю. У него всего лишь начинался грипп или что-то в этом роде.

Казалось, женщина чувствует себя ужасно неловко оттого, что именно ей приходится рассказывать мне такие плохие новости. Самое же плохое заключалось в том, что я узнавала их последней.

– Не думаю, что это грипп, миссис Уильямс, – добродушно отозвалась женщина. – Не хочу вас волновать, но, мне кажется, что у вашего мужа случился сердечный приступ.

Глава 2

Элли

Все вокруг как будто замедлилось. Казалось, это мне, а не кому-то другому пришлось погрузиться в воду. Но это же не так, верно? Это случилось с Джо. Это он очутился под водой в полынье на середине замерзшего озера. Но что он там делал? Как, ради всего святого, все это произошло? Полицейские ничего толком объяснить не смогли, и это показалось мне смешным. Даже каким-то небрежным, беспечным отношением к ситуации с их стороны. Они, конечно же, должны были знать, что именно об этом я в первую очередь их и спрошу. Кто-то должен был проследить за тем, чтобы они сами постарались добыть всю необходимую информацию.

– Миссис Тэйлор? С вами все в порядке?

Какой глупый вопрос. Конечно же нет.

– Да. Да... Просто мне... Я...

Я чувствовала себя так, будто меня в буквальном смысле выдернули из моего тихого спокойного вечера и швырнули в самую глубину чужого кошмарного сна. Такое ведь не могло происходить на самом деле, правда? Без сомнений, старший офицер на своем веку повидал немало родственников, шокированных новостями, которые он им сообщал, потому что, как мне показалось, прекрасно понимал, что именно и как нужно делать в подобных обстоятельствах. Он положил свои твердые ладони мне на плечи и заговорил уверенным и размеренным тоном:

– Подождите пару секунд. Дышите ровно. Теперь давайте вместе решим все дела здесь, а потом мы довезем вас до больницы.

– Я... Я сама могу доехать, у меня есть машина, это машина Джо.

– Не думаю, чтобы это было таким уж хорошим решением, – мягко ответил полицейский. – Сейчас вы не в том состоянии, чтобы садиться за руль. Кроме того, мы вас доставим туда намного быстрее. Уж нас-то никто не остановит за превышение скорости.

Он был прав. Сейчас самое главное – добраться до Джо по возможности быстрее. Я нужна была ему. Но, что еще важнее, – он нужен был мне. Так было всегда, и так всегда будет. Я схватила сумочку и огляделась по сторонам, пытаюсь найти пальто. Я была не в состоянии увидеть, что оно висело на крючке на стене в прихожей, на своем обычном месте.

В этот момент из кухни появился второй полицейский, тот, что помоложе. Я даже и не заметила, как и когда он исчез. За ним стелилась дымка и пахло горелым.

– Я все уже выключил, но ваш ужин успел превратиться в угольки, – сообщил он.

– Это не мой ужин, я хотела покормить сына... – Тут я в ужасе замолчала, но уже через мгновение воскликнула: – Джейк! – Можно было подумать, что я оставила ребенка в коляске и, думая о чем-то своем, спокойно отправилась домой без него. Как же я могла позабыть о том, что он сейчас сидит в гостиной и смотрит телевизор, ждет, когда папа придет домой. Он ждет, что все будет хорошо, что у нас впереди обычные будни с их ежедневной рутинной. Но вот именно эта нормальная жизнь сейчас дала сильную трещину одновременно со льдом под ногами Джо.

– Что мне ему сказать? – спросила я обоих мужчин, как будто форма полицейских давала гарантию ответа на любой вопрос. – Мне взять его с собой в больницу?

На лицах полицейских читалось нескрываемое сочувствие и сопереживание.

– Может быть, найдется кто-нибудь, кто сможет посидеть с ним? Какой-нибудь родственник или, возможно, соседка?

До моих родителей нужно было добираться целый час, а родители Джо после выхода на пенсию несколько лет назад уехали жить на море. Мы как раз собирались погостить у них летом. Джо успел поклясться, что именно этим летом он и научит Джейка плавать.

«Это жизненно важное умение, – заявил он тогда. – А Джейку необходимо знать, что и как нужно делать в том случае, если попадешь в беду в воде».

Я не смогла сдержаться, и из моего горла вырвался звук, похожий на всхлипывание. Оба полицейских тактично промолчали, пока я пыталась собраться с силами и взять себя в руки.

– Элис сможет, это моя соседка, она обязательно мне поможет.

– Тогда вы сейчас пойдете и объясните суть дела своему мальчику, а я отправлюсь к соседке, – предложил один из полицейских. – Куда мне идти – направо или налево?

Ноги машинально повели меня в гостиную, правда, не очень твердо и уверенно. Из комнаты доносились знакомые звуки – мелодия из любимого мультсериала Джейка. Передача только начиналась.

– Джейк, – начала я и поняла, что голос мой звучит совсем не так, как я надеялась. Мне совсем не хотелось пугать его, но это было невозможно, поскольку я сама находилась в состоянии панического страха. Джо какое-то время не дышал!

– Джейк, милый, ты не мог бы на секундочку выключить телевизор?

Сын повернул голову и посмотрел на меня так, словно я сказала что-то очень смешное и невероятное.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Мам, а попозже нельзя? Сейчас мою любимую серию покажут, – заныл он, и в его голосе появились такие просительные нотки, которые возможны только у ребенка младше восьми лет и устоять против которых не в силах, наверное, никто.

Я взглянула на экран.

– Ты уже видел эту серию, а мне очень нужно с тобой поговорить. Я должна сообщить тебе что-то очень важное.

Он очень неохотно нажал своим коротеньким пухлым пальчиком на кнопку, отключающую звук.

– Ты насчет Санта-Клауса? – нетерпеливо спросил он. – Томми Джексон в школе сказал, что мама рассказала ему, будто он ненастоящий. Ты же не собираешься говорить мне то же самое, правда? Потому что он настоящий, он существует, да?

Я взглянула в его доверчивые глаза, и мне показалось, словно меня что-то режет пополам.

«Господи, не надо с нами так жестоко, – мысленно произнесла я. – Не разбивай ему сердце, пожалуйста!»

– Да, Джейки, конечно, он существует, – ласково сказала я сыну, хотя он недавно сообщил мне, что уже достаточно взрослый, чтобы называть его уменьшительно-ласковым именем. Я встала на колени рядом с ним на слегка потертый ковер и попыталась привлечь его поближе к себе. Он принялся сопротивляться, но только для вида, изворачиваясь и вертясь, как угорь. Несколько секунд я ощущала только его локти, как будто мальчик состоял из сплошных костей, но он очень быстро уgomонился и привычно устроился у меня на коленях.

Я протянула руку и пригладила его длинные темные волосы, чтобы они не попадали ему в глаза. Надо будет его подстричь. Я давно хотела записать его к одной из своих парикмахерш, но понимала, что он рассчитывает на кое-что другое. Сын надеялся, что Джо сам поведет его в более крутое место (что мне, скорее всего, не понравится), а именно в местную мужскую парикмахерскую. Я прижала мальчика к себе, наверное, сильнее, чем следовало.

– Джейк, мне надо будет ненадолго отлучиться, – тихо произнесла я.

Сын перестал всматриваться в экран, где Барт Симпсон продолжал что-то молча вытворять, и повернулся ко мне.

– Прямо сейчас? – удивленно спросил он. – Но ведь скоро ужин.

Я кивнула. Мне пришлось сглотнуть несколько раз, прежде чем я смогла продолжить.

– Я помню, дорогой мой, с тобой посидит Элис, наша соседка. Я уверена, если мы ее хорошо попросим, она обязательно приготовит тебе что-нибудь вкусненькое.

– А куда ты уходишь? Ты в такое время никогда никуда не ходила. Ты же не будешь сейчас давать урок, правда? – Сын знал мое расписание почти так же хорошо, как и расписание своих любимых телепередач. Три раза в неделю по вечерам я давала частные уроки музыки. Но в большинстве случаев ученики сами приходили к нам домой. Так было проще и удобнее всем.

– Нет, Джейк, мне надо в больницу.

– Зачем, мамочка? Ты заболела? – тут же взволнованно спросил он.

«Вот видишь, Господи, видишь, как все получается. Верни все назад. Немедленно верни, пока еще не слишком поздно. Пусть это будет страшной ошибкой. Пусть это будет какой-то другой Джо Тэйлор, который решил совершить глупость и пройтись по замерзшему озеру. Другой, не наш», – молила я.

– Нет, Джейки, это не я заболела. Это папа. С ним... с ним произошла беда, и его увезли в больницу, чтобы ему помочь, и ему скоро будет лучше.

– А что за беда?

– Он... Он упал на лед. – Ну, это не совсем вранье, хотя, конечно, и не вся правда. Джейку не надо пока что знать все в деталях. Пока не надо.

– Но с ним все в порядке?

«Он какое-то время не дышал», – вспомнились мне слова полицейского.

– Я абсолютно уверена, что он очень скоро поправится, – заявила я, и ложь обожгла мне горло, язык и губы, когда эти слова слетели с них. – Но мне надо туда поехать, чтобы повидаться с ним... а детей в больницу не пускают. В ту палату, где он будет лежать, – добавила я еще одну выдумку. – Пока что с тобой посидит Элис, а когда я буду уверена в том, что с папой все в порядке, я сразу вернусь домой и все тебе про него расскажу.

Я услышала какой-то шум и подняла голову. В дверях стояла моя соседка Элис Мэтерс. На ней были плюшевые розовые тапочки и старомодный фартук, который она надевала всякий раз, когда занималась приготовлением пищи. Она изо всех сил пыталась не расплакаться, и пока у нее это неплохо получалось.

– Привет, Джейк. Ты не против, если я пройду и присяду рядом с тобой? – спросила она, приближаясь к нам. Ко мне она даже не обратилась, да в этом сейчас и не было никакой необходимости. Она просто взяла в руки мою ладонь и крепко сжала ее, произнеся при этом одними губами единственное слово: «Поезжай».

На глаза мне навернулись слезы, и пару секунд мы вот так стояли рядом, беспомощно глядя друг на друга.

– Я не знаю, сколько там пробуду, – извиняющимся тоном произнесла я.

Элис только отмахнулась.

– Сколько потребуется, столько и пробудешь, – резко заявила она, после чего перевела взгляд на светящийся экран телевизора. – А мы с Джейком сейчас посмотрим, что на этот раз задумал этот озорник. Ну, а потом я приготовлю что-нибудь поесть.

– Барт. Его зовут Барт, – со смехом поправил ее Джейк.

Я улыбнулась, и улыбка у меня вышла какая-то жалкая. Элис отлично ладилась с моим сыном. У нее было уже трое внуков, причем младший примерно такого же возраста, как наш Джейк, поэтому она всегда знала, как себя вести с ним, что говорить и что делать.

– Хорошо, Джейк, я поехала, – сказала я, прижав мальчика к себе и целуя его в щеку. Он вывернулся из моих объятий и резко прыгнул на диванные подушки, словно на батут. Джо всегда ругал его за это.

«Он не дышал», – снова пронеслось у меня в мозгу.

– Пока, мам. Пусть папа поскорее выздоравливает.

Я энергично кивнула ему в ответ.

– Позвони из больницы, – шепнула Элис и тоже быстро обняла меня. Она как будто знала, что мои расшатанные нервы не выдержали бы долгого и эмоционального прощания. – Джо сильный и в отличной форме, он выдержит, – хриплым голосом добавила она.

Я сразу же прикусила нижнюю губу, да с такой силой, что, сглотнув, почувствовала солоноватый металлический привкус крови.

Полицейские ждали меня в коридоре.

– Вы готовы?

– Да. Только можно будет побыстрее?

Но не успела я дойти до двери, как услышала крик сына:

– Подожди, мам, подожди!

Он молнией рванулся наверх, промчался по коридору, при этом потолок первого этажа завибрировал от топота его маленьких ножек. Через несколько секунд он так же стремительно спустился вниз и чуть не врезался в меня. Я обхватила его, а он сунул мне своего любимого, выдавшего виды плюшевого льва с обтрепанными от времени ушами. С этой игрушкой он не расставался и до сих пор спал. Когда к нему приходили приятели или мы устраивали вечеринку с ночевкой, мы всегда прятали игрушку. И непременно брали с собой во все поездки. Именно этого льва он обнимал по ночам и клал на него свой маленький подбородок.

– Отвези Симбу папе. Он мне всегда помогает выздороветь, когда я болею. Симба и папе поможет, это точно. Я знаю.

Я осторожно взяла небольшую потертую игрушку и не выпускала ее из рук, пока шла к двери, садилась в машину и даже когда мы понеслись вперед, в больницу, а за окошком замелькали, быстро проносясь мимо одна за другой, городские улицы.

Шарлотта

Я вскочила на ноги.

– Мне надо идти. – Я почти добралась до двери и только тогда сообразила, что не взяла свою сумочку и, мало того, понятия не имела, где находится больница и как до нее добраться.

К счастью, на помощь мне пришел весь коллектив салона красоты, а одна девушка даже выбежала на улицу и под лениво падающим снегом помогла поймать такси. Маникюрша, которая только что занималась моими ногтями, сбегала к вешалке, сняла мое пальто и помогла мне надеть его.

Как в тумане я машинально достала из сумочки три банкноты по двадцать фунтов и сунула ей в руку.

– Не знаю, хватит ли этого за все, – сказала я при этом.

– Об этом не беспокойтесь, мы все исправим в следующий раз, – убедительно произнесла она, провожая меня до двери. – И вообще, постарайтесь не волноваться. Я уверена, что с вашим супругом все будет в порядке. Моему отцу в прошлом году после сердечного приступа делали шунтирование, и сейчас он отлично себя чувствует.

Я понимала, что она пыталась успокоить меня и немного приободрить, но, когда подбегала к ожидающему меня черному такси, осознала, что ее слова, пожалуй, лишь еще больше обеспокоили меня, а не принесли облегчение. Ее отцу, возможно, было уже под шестьдесят

или того больше, а Дэвиду только исполнился тридцать один год. К тому же он занимался собой, правильно питался, два-три раза в неделю обязательно ходил в спортивный зал. Проблемы с сердцем не должны были беспокоить его как минимум еще несколько десятилетий.

По пути в больницу все дороги были забиты транспортом, и меня это страшно злило. Почти пять минут мы стояли в пробке бампер к бамперу с соседними автомобилями. Если бы я хоть приблизительно представляла себе, где находится больница, я бы, наверное, выскочила из машины и на всей скорости рванулась вперед по заснеженным улицам, только чтобы увидеть его. Но вместо этого я подалась вперед и просто постучала по стеклянной перегородке.

– Послушайте, мне действительно надо попасть в больницу как можно быстрее. Может быть, туда есть какой-то другой путь?

– А вы там, случайно, не рожать собрались, а? – сострил таксист и расплылся в довольной ухмылке.

Он и предположить не мог, что это опрометчивое и грубоватое замечание станет переломным для моего напряженного состояния. Однако очень скоро он это понял. Лицо мое исказила мученическая гримаса, и слезы, которые до сих пор мне как-то удавалось сдерживать, ручьем хлынули по щекам. Его юмор оказался таким же черным, как цвет его машины.

– У моего мужа был сердечный приступ, – дрожь в голосе вполне соответствовала моей трясущейся нижней губе. – Мне в самом деле нужно как можно скорее попасть в больницу.

– Чтоб мне провалиться, дорогая. Простите, мне просто хотелось немного пошутить с вами. Я же понятия не имел, что у вас все так серьезно и срочно. – Он выпрямился на сиденье и крепче сжал руль своими желтоватыми от никотина пальцами.

Мне кажется, что существуют две фразы, которые просто мечтают услышать таксисты. Это «поезжайте за той машиной» и еще «это срочно».

– Вам придется пристегнуться, – посоветовал водитель и резко свернул в какой-то переулок.

Я почти ничего не помню из того головокружительного путешествия по извилистым лондонским улочкам. Мои мысли были слишком заняты Дэвидом. Как же это могло случиться с ним, с нами? Всякий раз, когда я закрывала глаза, я пыталась представить себе своего сильного и энергичного мужа в таком беспомощном состоянии, что его даже пришлось уложить на носилки, чтобы перенести в карету «Скорой помощи». Это было просто нелепо. Мой насмерть перепуганный мозг не мог создать такой образ. Как это могло произойти с тем самым мужчиной, который с легкостью подхватил меня, перекинул через плечо и унес в спальню, где с нежностью опустил на середину нашей просторной кровати – и все это еще на прошлой неделе! «Мне кажется, мы куда-то собирались?» – заявила я тогда, наблюдая за тем, как он снимает галстук, быстро сдергивает рубашку и ловко расстегивает сшитые на заказ костюмные брюки. «У меня пропал аппетит», – голодно прорычал он, забираясь на меня сверху. «Но, к счастью, это касается только еды», – добавил он, нежно покусывая меня за шею, именно так, как мне нравится, и от чего я – как ему хорошо известно – просто схожу с ума.

Как могло случиться, что меньше чем за неделю из того сильного страстного мужчины он вдруг превратился в кого-то, кого приходится выносить из торгового центра? Бессмыслица какая-то...

Не помню, чтобы я когда-то раньше с такой радостью и благодарностью реагировала на дорожный знак, сигнализирующий о том, что мы приближаемся к больнице.

– Еще пару минут, – подтвердил таксист, поглядывая на меня через плечо, чего, конечно, делать не стоило, если учитывать скорость, с которой мы сейчас передвигались.

Мы притормозили у главного входа в приемное отделение «Скорой помощи». И хотя мне не терпелось поскорее прибыть сюда, как ни странно, я почему-то замешкалась, когда

настало время выходить из машины. Как только я покину салон и пройду через раздвигающиеся стеклянные двери больницы, все станет слишком реальным. Дэвид будет пациентом, больным мужчиной, лежащим на высокой койке с металлическим каркасом, рядом с которой на белой доске будут накорябаны его имя и фамилия. Теперь он будет принадлежать не только мне одной, теперь мы будем уже не одни.

– Я не могу здесь стоять, – с сожалением констатировал водитель. – Это заезд для карет «Скорой помощи».

Как будто в подтверждение его слов сзади появилась машина с включенной сиреной.

– Простите, – сказала я и потянулась к ручке. Пальцы у меня заметно дрожали. Я вступила в прохладу улицы и с удивлением осознала, что вокруг уже становилось темно.

Кто-то из работников «Скорой помощи» обежал только что подъехавшую машину и распахнул задние дверцы настежь. Я почувствовала, как в тревожном ожидании напряглось все мое тело. Я вытянула шею и изогнула ее так, чтобы увидеть, кого сейчас будут доставать из недр автомобиля. Из здания появилась небольшая группа медиков. Они принялись действовать именно так, как я это видела в бесчисленных драматических сериалах про врачей. Только на этот раз все происходило по-настоящему. Сейчас действительно чья-то жизнь буквально висела на волоске. Кто там? Дэвид? Мне стало нехорошо, у меня закружилась голова, и не только потому, что я инстинктивно затаила дыхание в страхе, пока пациента поднимали и опускали, быстро перемещая через занесенный снегом подъезд внутрь больницы.

Пока все это происходило, мне удалось уловить обрывки их разговора, представлявшего собой в основном оценку состояния больного. Переохлаждение... мужчина возраста... замерзший лед... признаки жизни... внутренняя температура...

Единственной деталью, которую мне удалось разглядеть в запеленатом, как в кокон, в красные одеяла мужчине, лежавшем на носилках, была его шевелюра соломенного цвета. Это определенно не Дэвид.

– Сами справитесь? Вас здесь кто-нибудь встретит? Может быть, мне лучше припарковаться и пойти туда вместе с вами?

Эти добрые слова шофера чуть снова не вывели меня из себя.

– Нет. Хотя, конечно, спасибо, вы очень внимательны. Но я справлюсь сама, все будет хорошо, – сказала я и подумала: «Конечно, но только в том случае, если с ним все будет в порядке».

Первый раз в жизни я видела, как смущается лондонский таксист, получив оплату за свои услуги. Но я отдала деньги, не раздумывая.

– Удачи вам и вашему супругу тоже, – мрачно произнес он, отдав сдачу и обнадеживающе похлопав меня по руке.

Все еще чувствуя на спине его взгляд, я вошла в двери больницы. И только вой сирены, возвещающий о прибытии очередной кареты «Скорой помощи», заставил его завести машину и уехать.

Когда я приближалась к главной стойке приемного покоя, ноги у меня дрожали так сильно, что казалось, будто последние полчаса я провела на тренажере. Но никакие физические упражнения не действовали на мое сердце подобным образом. Я ощущала его биение в ушах, а мои ладони покрылись липким потом. Только страх мог проделать со мной подобное. Пытка моя тем не менее продолжалась. Обе девушки оказались заняты телефонными разговорами, и хотя мне пришлось подождать всего лишь минуту-другую, к тому времени, когда одна из них закончила беседу, положила трубку на место и взглянула на меня, мое волнение достигло апогея. Неужели я опоздала?!

– Простите, что вам пришлось ждать. Могу ли я чем-нибудь помочь?

Наконец-то. Из моего горла вырвался какой-то дрожащий звук, и я с трудом узнала в нем свой собственный голос.

– Мне позвонили и сказали, что мой муж – Дэвид Уильямс – доставлен к вам в больницу на «Скорой помощи». Пожалуйста, скажите мне, как мне можно его увидеть?

Конечно, эта женщина совсем не умышленно тянула время, но мне показалось, что у нее ушла целая вечность на то, чтобы набрать на клавиатуре фамилию Дэвида, ввести ее в программу больницы и начать поиск.

– Простите, нам совсем недавно поставили новую компьютерную программу, и мы пока только привыкаем к ней, – объяснила она, глядя на экран и ожидая ответа.

Я-то сама прекрасно разбираюсь в компьютерах. Это часть моей работы, и я едва сдерживалась, чтобы не вырвать у нее клавиатуру и хоть немного не ускорить процесс, занявшись поиском самостоятельно. Как правило, я не подвержена подобным импульсам, но стресс воздействует на всех по-разному. Особенно если в опасности находится твой любимый человек.

Наконец на экране что-то сверкнуло и высветился ответ. Я впились взглядом в женщину, пока она считывала информацию, которую выдала ей машина. В линзах ее очков отражались какие-то буквы, но, естественно, я не имела ни малейшей возможности каким-то образом их расшифровать. Правда, по выражению ее лица читать оказалось куда проще. Она изучила полученные данные и неожиданно стала особенно серьезной. Мне почему-то сразу же стало трудно дышать.

– Миссис Уильямс, вашего мужа доставили с подозрением на инфаркт на «Скорой помощи». Сейчас им занимается БИТ-группа, и очень скоро его переведут в отделение.

Аббревиатура удивила меня: неужели нельзя говорить по-человечески? Тем не менее я сразу поняла, что речь идет о бригаде интенсивной терапии. Правда, легче мне от этого не стало. А хотелось бы.

– Можно мне его увидеть?

Женщина нахмурилась, как будто то, о чем я попросила, представляло собой сложную проблему, и в этот момент где-то за страхом и ужасом во мне проснулся гнев. Никто и никогда не остановит меня, если я захочу быть рядом с Дэвидом. И неважно, какой пункт протокола или врачебных правил я при этом нарушу.

– Как правило, мы просим родственников подождать до тех пор, пока пациента не поместят в палату в отделении интенсивной терапии, – объяснила она, но тут увидела мое лицо. – Подождите-ка. Может быть, мне удастся попросить кого-нибудь провести вас к нему, пока его еще не отправили в палату.

– Спасибо вам, – с благодарностью пробормотала я.

Женщина сняла телефонную трубку и, с силой нажимая пальцами на кнопки, набрала какой-то номер. Я тщетно напрягала слух, потому что услышать мне так ничего и не удалось, тем более что как раз в этот момент возле стола появилось целое семейство. Я мельком взглянула на супругов. Они прижимали к себе троих малолетних ребятишек, словно пытаясь защитить их от чего-то, а те в это время отчаянно ревели.

– Я только спрошу эту добрую тетеньку, может ли она нам чем-то помочь, – обратился муж к старшему мальчику, укутанному в одеяло и, как ни странно, шумевшему как раз больше всех остальных. – Ты ни в чем не виноват, Марти. Никто тебя не обвиняет, только сейчас ты должен вести себя тихо.

Ребенок изо всех сил старался затихнуть, а мне подумалось, что эти люди, наверное, пришли сюда навестить кого-то из своих пожилых родственников. Но в следующее мгновение все мысли об этой компании улетучились, поскольку женщина, занимавшаяся мной, улыбнулась и снова обратилась ко мне:

– Что ж, новости хорошие, миссис Уильямс. Сейчас сюда кто-нибудь за вами спустится и проводит вас к нему.

– Спасибо вам. Огромное спасибо, – сказала я, сдерживаясь, чтобы не расплакаться. В это же мгновение я увидела, с каким сочувствием смотрит на меня мать только что прибыв-

шего семейства. В таком месте мы все жертвы, и хотя никто из нас не был ранен в буквальном смысле, все мы испытывали жгучую боль.

Я шла за молоденькой медсестрой в ту часть больницы, где сейчас находился Дэвид. Сестра была настолько юной, что со стороны могло показаться, будто сейчас на ней надет карнавальный костюм и она просто хочет выглядеть как настоящая медсестра. Мне всегда было спокойнее видеть пожилых медработников, глядя на которых понимаешь, что они трудятся в этой области уже много лет, а не всего пару месяцев. Теперь же я втайне надеялась, что доктор, назначенный лечить Дэвида, будет определенно выглядеть постарше. Причем чем старше, тем лучше.

Если бы не сестра, указывавшая мне путь, я бы запросто прошла мимо койки, на которой лежал Дэвид. Правда, меня извиняло то, что, когда мы виделись с ним в последний раз, а это было часов восемь назад, он выглядел совсем по-другому. На нем не было никаких трубок, проводов и электродов, тянувшихся к жутковатого вида аппаратам. И его кожа не была такого странного серого цвета, вовсе не похожая на человеческую. У койки стояла еще одна медсестра. Она частично загораживала от меня Дэвида, поправляя какие-то трубки, торчащие у него из ноздрей. Я даже была рада этому, потому что у меня появилось несколько секунд для того, чтобы успокоиться и прийти в себя. Мне пришлось только проглотить разочарование и крушение надежд. Я-то до сих пор верила, что его недуг связан с простым несварением, пусть даже и в тяжелой форме. Нет, врачи не стали бы прибегать к помощи такой аппаратуры там, где пациенту могла бы помочь обычная пара таблеток антацида.

Я осторожно обошла обеих медсестер.

– Эй, привет, – неуверенно начала я.

Услышав мой голос, Дэвид сразу же открыл глаза.

– Шарлотта, – ответил мне голос, который, судя по всему, должен был принадлежать Дэвиду. Я знала все оттенки его голоса: профессиональный тон, голос нетерпеливого водителя, голос любящего сына, когда он звонил своей матери и когда звонил моей. Сексуальный, с хрипотцой, низкий тембр – когда он обращался ко мне, и мы при этом находились в комнате одни. Но этот напряженный, вымученный и еле слышный голос не мог принадлежать ему. Я потянулась к его руке, поколебалась, увидев, что из пальца у него торчит какой-то зажим вроде прищепки, но потом все же осмелилась и взяла его за руку, чуть приподняв ее. Он тут же согнул пальцы, обвивая ими мою ладонь, хотя и очень слабо.

– Только поглядите на него. Оставила тебя на какие-то пять минут, и вот ты уже в кровати, причем в окружении женщин. Как это мне знакомо!

При этих словах медсестра, находившаяся подальше от койки, быстро взглянула на меня и улыбнулась, а та, что стояла у Дэвида в ногах и что-то записывала сейчас в его карту, удивленно приподняла брови, как будто мое шутливое легкомысленное замечание ее оскорбило.

«Так, ты мне явно не пришлась по вкусу, – тут же решила я. – Но ты же ни черта про нас не знаешь. Тебе и неведомо, какие ниточки юмора связывают нас, оплетая наши отношения и сближая нас так, что я бы и сама раньше в такое не поверила. Их можно ощутить даже физически».

Я подняла его руку и поднесла ее к своим губам. Рука оказалась слишком тяжелая, как будто у него не хватало сил приподнять ее. Она была словно неживая. Я попыталась отбросить эту мысль, боясь, что она обязательно отразится у меня на лице. Я поцеловала каждую костяшку его пальцев, понимая, что сейчас глаза у меня блещут чересчур ярко – и все из-за слез. Я с яростью принялась моргать.

– Что же с тобой произошло?

– Ваш супруг потерял сознание от боли в груди, – раздался голос у кровати, но я его проигнорировала. Это я уже и сама знала.

– Мне стало трудно дышать, и внезапно закружилась голова, – добавил Дэвид, и я сразу поняла, что ему требуется напрячься, чтобы говорить и дышать одновременно. Но ведь всего несколько часов назад все это ему отлично удавалось. – Этот вирус гриппа – самый настоящий убийца. – Увидев ужас в моих глазах, он тут же быстро заметил: – Не в буквальном смысле слова, любимая.

Я увидела, как быстро переглянулись медсестры. Никто из них, конечно, не считал, что тут виноват грипп. Равно как и я сама.

– Врачи тебе уже сказали, в чем дело?

Он лишь отрицательно помотал головой, и я опять обратила внимание на то, каких усилий ему стоило даже такое незначительное движение и насколько оно его утомило.

– Ему назначены анализы, но сначала мы должны переместить его в отделение интенсивной терапии и там стабилизировать его состояние. Как только будут готовы результаты анализов, вам обязательно дадут знать, – любезно проинформировала меня Хорошая Сестра.

Беседуя между собой, сестры тем временем подготовили Дэвида к перемещению от фиксированных мониторов в палате на каталку. Я мгновенно отметила про себя, что его состояние оставалось серьезным, раз ему требовалось постоянно находиться рядом с такой сложной медицинской аппаратурой. Говоря по правде, сейчас, когда я все это увидела, мое волнение еще больше усилилось. У койки встал взявшийся откуда-то здоровенный санитар, готовый в любой момент приступить к перевозке.

– Я ведь могу отправиться вместе с вами? – спросила я, ни на секунду не сомневаясь, что услышу решительное «нет, нельзя».

– Нет, – грубо выпалила Плохая Сестра, даже не взглянув в мою сторону и не удостоив меня более подробным ответом с указанием причин.

Паузу тут же заполнила Хорошая Сестра.

– Простите, пожалуйста, но мы не можем вам это разрешить только ради безопасности вашего супруга. Нам не позволено допускать родственников в качестве сопровождающих лиц, когда мы переводим пациентов в отделение интенсивной терапии.

Ну, эта хотя бы говорила с ноткой искреннего сожаления в голосе. Но если честно, что, по их мнению, я могла бы сделать такого противозаконного? Встать на пути носилок и помешать их проходу, так чтобы они перевернулись?.. Но потом я поняла, какой высокий профессиональный уровень демонстрировали все эти люди, занимавшиеся моим любимым человеком. Сейчас они действительно волновались за Дэвида, беспокоились, что он может пострадать, правда, совсем в другом смысле. И если во время операции произойдет что-то непредвиденное, им бы вовсе не хотелось, чтобы рядом находились паникующие члены его семьи.

– Хорошо, я все понимаю. Но потом мне кто-нибудь скажет, когда мне можно будет присоединиться к вам?

– Конечно.

Я посмотрела на Дэвида, который, хоть и ослаб, был очень удивлен тем, как быстро я сдалась. Как правило, меня не останавливало подобное противостояние, и мы оба хорошо это знали. Может, он и хотел прокомментировать мое поведение, но, взглянув на правую сторону моего лица, внезапно остановился, позабыв о том, что именно хотел сказать.

– Что с твоей щекой? У тебя же кровь течет! – встревоженно прохрипел он.

Я осторожно коснулась пальцами того места, куда был сейчас направлен его взволнованный взгляд. У меня даже сердце защемило от мысли, что он сейчас лежит на носилках и в то же время переживает о какой-то дурацкой царапине у меня на лице, которую я даже не чувствую. Я провела пальцем по гладкой коже щеки и ощутила на ней неровную корку остатков лака. Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какая-то жалкая.

– Вот что бывает, когда активно мешаешь маникюру, – пояснила я и для убедительности продемонстрировала свою руку с размазанными ногтями такого же кроваво-красного цвета.

Дэвид тихо засмеялся, или, вернее, попытался засмеяться, и все кончилось тем, что он стал задыхаться и с трудом остановился. Для чего бы ни были предназначены эти чертovy трубки у него в носу, они явно не обеспечивали его достаточным количеством кислорода. Я вынуждена была сообщить об этом Плохой Сестре, и та довольно ловко выдернула их и заменила на кислородную маску. Прошло меньше минуты, и Дэвид смог уже нормально дышать, хотя мне показалось, что время растянулось на куда больший промежуток.

– Сейчас мы должны перевести его наверх, – сказала Плохая Сестра, и я согласилась с ней.

«Забирайте его, куда хотите, если только там имеется все необходимое оборудование, чтобы ему стало лучше, чтобы он опять стал прежним Дэвидом», – подумала я тогда.

– Давайте мы сейчас снимем вот это буквально на секундочку, чтобы вы смогли по-настоящему попрощаться с ним, – добродушно произнесла Хорошая Сестра, убирая гибкие трубки от носа и рта Дэвида. Мне совсем не понравились ее слова насчет прощания. Звучало это достаточно зловеще и как-то пророчески.

Я нагнулась и с нежностью прижала губы к его рту. Когда я осторожно отстранилась от него, наши взгляды встретились. Мне на память пришли его недавние слова, фраза, которую он произнес пару дней назад. Он тогда сказал: «У меня от тебя дыхание захватывает». Мы занимались с ним любовью, а потом я лежала в его крепких объятиях, голова моя покоилась на его мускулистой груди, а я прислушивалась к тому, как постепенно замедляется его учащенное сердцебиение. Тогда его слова показались мне нежными и романтическими, теперь же они зазвучали в голове, как еще одно страшное пророчество.

– Я поднимусь к тебе сразу же, как только они мне это разрешат, – пообещала я, удерживая его ладонь, в то время как его уже начали увозить и каталка пришла в движение.

– Я люблю тебя, – произнес Дэвид искаженным и приглушенным из-за маски голосом.

– Я тоже тебя люблю, – ответила я. В это время санитар снова толкнул каталку, и я отпустила его руку.

Я продолжала улыбаться, пока его вывозили в коридор и куда-то дальше, через широкие стеклянные двери, открывающиеся в обе стороны. Я подождала, пока они уехали достаточно далеко, туда, где меня уже не было бы слышно, и тогда, стоя на покрытом кафелем прямоугольнике, где только что стояла его койка, разразилась громкими и безудержными рыданиями.

Элли

Никогда раньше мне не приходилось сидеть в полицейской машине. Да и с какой стати я должна была бы там оказаться? Я никогда не нарушала закон, меня не арестовывали, я не выступала с протестами на демонстрациях, когда училась в университете, хотя была знакома со многими любителями помитинговать. Единственное, о чем я думала, пока мы неслись сквозь сумерки декабрьского дня, – это как бы к такому отнесся Джейк. Он просто обожал полицейские машины, и еще пожарные, с их огнями, вспышками и сиренами. Ну, по крайней мере, так было в последнее время. Год назад он серьезно увлекался динозаврами, а до этого... Я встряхнула головой и потерла переносицу. Какая сейчас разница? Я просто пыталась отвлечься и не думать о причине, по которой мы рвались вперед, в два раза превышая допустимую в городе скорость, мчались на красный свет на перекрестках и обгоняли другие машины не с той стороны, как было положено по правилам. Джейку пришлось бы по душе

такое путешествие. Он, наверное, наслаждался бы каждой его минутой в той же степени, в какой мне оно не понравилось.

Но полицейский оказался абсолютно прав. Мы приехали к больнице в рекордно короткое время, сама я бы так не сумела. Они затормозили у приемного покоя, где останавливались машины «Скорой помощи». От вращающегося маячка на крыше автомобиля образовался жутковатый голубой круг. Я выскочила из машины даже прежде, чем водитель поставил ее на ручной тормоз, и заторопилась вперед по скользкому тротуару. Слава богу, что второй полицейский успел так же стремительно выбраться из автомобиля и вовремя подхватить меня под локоть, когда я поскользнулась на снежной пыли, торопясь поскорее попасть внутрь больницы. Джо находился там, где-то в недрах этого монолита из стекла и бетона. Он был рядом, и близость любимого человека тянула меня вперед, как огромный невидимый магнит.

– Мы можем пройти вместе с вами, если хотите, – предложил полицейский.

Я отрицательно помотала головой, заметив, как две медсестры, видимо закончившие дежурство, с любопытством смотрели в нашу сторону. Наше появление здесь, разумеется, не осталось незамеченным.

– Нет, отсюда, наверное, я уже сама доберусь, спасибо, – ответила я, отстраняясь от него.

Любопытные медсестры могли бы подумать, что я арестована или что-то в этом роде. Конечно, я была благодарна полицейским за помощь, но больше мне от них ничего не требовалось. Мне уже не нужно было ни их сочувствие, как того требовал протокол, ни соперничество на их юных, почти мальчишеских лицах. Да просто потому, что я находилась рядом с ними, я почему-то начинала чувствовать себя еще более уязвимой, настоящей жертвой.

Автоматические двери тихо раскрылись, и я рванула между ними, направляясь к стойке администратора, не желая терять ни единой драгоценной секунды. При моем приближении женщина средних лет в больших очках в массивной оправе оторвала взгляд от каких-то бумаг.

– Могу ли я...

Я не дала ей закончить фразу.

Он некоторое время не дышал.

– Я приехала к Джо Тэйлору. Он, скорее всего, сейчас находится в отделении интенсивной терапии. Полиция сообщила мне о несчастном случае. – Все это я выдала на одном дыхании, без пауз и остановок. Голос у меня дрожал, впрочем, не только голос. Все мое тело тряслось от напряжения, как электрический столб от латентных разрядов. Я машинально прижимала игрушку Джейка к груди все крепче и крепче. При этом я даже ощущала запах своего малыша на истертом стареньком плюше. Это было неповторимое сочетание пены для ванн и талька, а все остальное – только Джейк. Такой аромат придавал мне сил и энергии, в которых я так сейчас нуждалась. Ощущение было такое, что мне в кровь пустили адреналин.

Глаза женщины-администратора казались добрыми за стеклами, имевшими форму полумесяца.

– Позвольте, я сейчас проверю. Скорее всего, его поместили в ПИТ, – сообщила она, после чего придвинула клавиатуру поближе к себе и принялась набирать имя и фамилию моего мужа.

– ПИТ. Пэ-И-Тэ, – по буквам произнесла я, как будто искала ответ на какой-то математический тест.

Женщина подняла взгляд от клавиатуры.

– Именно так, ПИТ, – подтвердила она. – Это наше педиатрическое отделение интенсивной терапии.

– Педиатрическое? – смущенно повторила я, но тут же поняла ее ошибку. Наверное, не слишком много тридцатилетних женщин стоят перед ее столом, сжимая в руках плюшевую

игрушку, если при этом они не пришли навестить своего ребенка. – Нет-нет, это мой муж, я пришла к нему. Джо Тэйлор. Ему тридцать шесть. Мне сказали, что он где-то провалился под лед... – Я невольно замолчала. Слишком уж странным представлялся мне подобный сценарий. Сейчас я и сама не могла поверить в те слова, которые произносила. Я кивнула на игрушку, которую все так же сжимала в руках. – Это принадлежит нашему сыну. Он просил меня передать его папе. – Тут я снова запнулась, но на этот раз несколько слез все же успели преодолеть все барьеры, которые я выставила, чтобы удерживать эмоции в себе. В тот же момент у женщины в руках неизвестно откуда возникла нераспечатанная пачка бумажных платочков, которую она и передала мне. Наверное, такие вещи здесь требовались довольно часто.

Прошла целая вечность, прежде чем данные о Джо появились на экране. Я подумала, не приходилось ли этой женщине раньше играть в покер. Скорее всего, дело обстояло именно так, потому что я не смогла прочитать на ее лице ровным счетом никакой информации.

– Я попрошу кого-нибудь спуститься, чтобы поговорить с вами, – сказала она, уже протягивая руку к телефону.

– Нет, подождите-ка. Что вы хотите этим сказать? Он... Он в порядке?

– У меня тут имеются только данные, полученные при его поступлении. Я не смогу вам предоставить больше никакой информации, – тактично объяснила мне женщина-администратор. – Но кто-нибудь из нашей бригады интенсивной терапии сейчас обязательно спустится к вам и все расскажет.

Я начала нервно расхаживать взад-вперед. Пятнадцать шагов до кофейного автомата. Восемь до женского туалета. Двенадцать до двойных дверей с трафаретной надписью «Установление очередности медицинской помощи», а оттуда еще девятнадцать – и снова оказываешься у стола администратора. Мое «путешествие» проходило мимо некоего семейства, члены которого неуютно ежились на жестких пластиковых стульях. Дети казались испуганными и растерянными. Я еще раз порадовалась тому, что не стала брать с собой Джейка и подвергать его такой пытке, как полное неведение и отсутствие информации. Дети и без того боятся больниц, а в возрасте семи лет это слишком страшное испытание – вот так сидеть, дрожать и ждать, что же тебе в конце концов скажут – выживет ли твой отец или же...

– Миссис Тэйлор...

Я тут же вскинула голову и увидела врача, который только что негромко произнес мое имя. Он выходил из лифта и теперь быстро переводил взгляд с меня на женщину с тремя детьми и обратно.

– Я здесь, – отозвалась я и поспешила ему навстречу.

Он улыбнулся и представился мне, но я в ту же секунду забыла его имя и фамилию.

– Я вхожу в бригаду, которая сейчас занимается вашим мужем, – пояснил доктор.

Я нервно выдохнула, и мне показалось, как будто из моего тела, словно из клапана некой машины, вышел пар.

«Занимается вашим мужем». Эти слова вызвали у меня огромное облегчение. До этого момента я и сама до конца не сознавала, как боялась даже представить себе, что Джо находится в таком состоянии, что помочь ему уже невозможно.

– Как он? Можно мне его увидеть?

– Очень скоро, надеюсь, я смогу провести вас к нему. В данную минуту мои коллеги продолжают усиленно работать над тем, чтобы стабилизировать его состояние и вернуть нормальную температуру тела.

Говоря это, доктор незаметно положил руку мне на спину и осторожно подтолкнул к небольшому боковому кабинету. Мне не очень хотелось заходить внутрь. Это помещение, как мне почему-то показалось, могли бы использовать именно для сообщения каких-

то печальных новостей. В кабинете находился единственный стол и стояло два стула. Но ни врач ни я не торопились присаживаться.

– Вам рассказали, что именно произошло с вашим мужем?

Я отрицательно покачала головой:

– На самом деле – нет. Мне только известно, что он попал под лед. Но только мне совершенно непонятно, как он очутился на том озере. Еще мне сообщили, что его пытаются привести в чувство, но если он снова дышит, то почему никак не придет в себя?

Голос доктора показался мне на этот раз каким-то очень серьезным, почти траурным:

– В настоящий момент он дышит при помощи специального аппарата, а мы стараемся повысить ему температуру тела.

По тону доктора я сразу поняла, что состояние у мужа действительно критическое и его не просто пытаются засунуть под стопку одеял. Мне хотелось рассказать ему, что Джо вообще никогда не мерз. Даже зимой. Мы часто спорили насчет того, нужно ли закрывать окно в спальне или все же лучше оставлять его на ночь открытым. Заканчивались подобные споры, как правило, одинаково: я клубочком сворачивалась под нашим огромным пуховым одеялом, а Джо демонстративно раскидывал в стороны все покрывала. Я хотела, чтобы доктор получше узнал Джо, чтобы он понимал его. Я хотела, чтобы он стал для врача чем-то большим, чем просто очередным пациентом, состояние которого требуется улучшить. Я хотела, чтобы он стал реальной личностью для всех тех, кто сейчас старался сохранить ему жизнь.

– Я считаю, что родственники заслуживают того, чтобы рассказывать им всю правду до конца, миссис Тэйлор, – серьезным тоном продолжал доктор.

Внезапно я ощутила слабость в коленях и пожалела о том, что отказалась присесть.

– Состояние вашего мужа остается критическим. Он все еще в опасности.

Я отвернулась, не в силах сосредоточиться на лице врача. Мне стало страшно, что если я вдруг увижу в его глазах хоть частичку сочувствия, то сама не выдержу и рассыплюсь на миллион кусочков, как стекло... или лед. Поэтому я принялась рассматривать кусок отслоившейся от деревянной дверной рамы старой засохшей краски.

– Но... когда вы согреете его и он начнет дышать самостоятельно, он ведь выздоровеет, да? Джо сильный. Он ведь поправится, правда?

Доктор выждал секунду прежде, чем ответить. Я не могла не заметить этого.

– Давайте сосредотачиваться на проблемах поочередно. Впереди у нас очень сложная ночь.

Шарлотта

К больнице подъехала полицейская машина. Сирена затихла на высокой воющей ноте, а от проблескового маячка автомобиля на стене образовался голубоватый круг света, как от стробоскопа. Это явление хоть как-то меня отвлекло, и я быстро нырнула в расположенный по соседству дамский туалет. Здесь я плеснула в лицо воды и с помощью жестких бумажных полотенец счистила со щеки засохший лак для ногтей. По раскрасневшейся коже можно было бы подумать, что кто-то только что вlepил мне пощечину. Причем достаточно сильную. Это мне уже как-то раз приходилось испытать, правда, много-много лет назад. Но сегодня это была вовсе не пощечина. Сегодня я пострадала от подлой выходки судьбы, неизвестно по какой причине обрушившейся на меня и не предоставившей мне времени, чтобы подготовиться, собраться и дать ей достойный отпор.

Я смотрела на отражавшуюся в забрызганном водяными каплями зеркале перепуганную женщину. Выглядела она ужасно: глаза красные, нос блестит, как сигнальный огонек на маяке, а светлые волосы разлохматились и спутались. Это явно не та Шарлотта Уильямс,

которая покинула свою роскошную лондонскую квартиру в тайном смятении после того, как узнала о поездке, организованной для нее собственным мужем. Та женщина куда-то исчезла, и теперь я не могла бы с уверенностью сказать, что она вообще вернется назад.

Скорее, чтобы немного отвлечься, а вовсе не для наведения красоты я порылась в своей сумочке, достала оттуда цветную косметичку и принялась поправлять испорченный макияж. Но при этом пальцы у меня так сильно дрожали, что я нанесла слишком уж много пудры на щеки, отчего стала похожа на жуткого вида гейшу. А щеточка туши для ресниц ходила ходуном в руке так, что я рисковала попасть ею прямо в глаз и покалечить себя. В отчаянии я швырнула сумочку в раковину, где из нее со стуком высыпалось все ее разномастное содержимое. Я попыталась припомнить какие-нибудь упражнения для расслабления из йоги, занятия которой я не так давно посещала. Я медленно набрала в легкие побольше воздуха, задержала дыхание и так же неспешно выпустила воздух. Но то, что у меня так легко получалось, когда я сидела в позе лотоса в зеркальном танцевальном зале, оказалось почти невыполнимым в дамском туалете в больнице. Я наблюдала за тем, как быстро опускалась и поднималась моя грудь, отражавшаяся в зеркале над раковиной, и буквально слышала, как паника вползает в каждый мой вдох и выдох. Со стороны могло показаться, что мне только что пришлось совершить долгую пробежку, спасаясь от серьезной опасности. В реальности же единственным, от чего я сейчас пыталась скрыться, было мое собственное наполненное страшными картинками воображение. Впрочем, у меня было достаточно дилетантских познаний в области медицины, чтобы испугаться того состояния, в котором сейчас находился Дэвид. Я быстро убрала косметику в сумочку и снова направилась к стойке администратора.

Никого из посетителей тут не было, и обе женщины увлеченно о чем-то беседовали между собой, так что поначалу даже не заметили моего приближения.

– Ты обратила внимание, как она держала этого игрушечного льва?

– Да-да, у меня сердце кровью обливалось.

– А потом она еще объяснила, почему захватила его с собой...

– Да-да. Трудно остаться равнодушной в такую минуту. И неважно, сколько лет я уже тут проработала, когда речь идет о ребенке, я всегда сильно переживаю.

Я почувствовала знакомый болезненный укол, подслушав их беседу, но попыталась поскорее забыть о ней. Мне самой сейчас предстояло перенести довольно сильную травму и пройти через серьезные испытания. И потому не стоило искать дополнительные источники тревоги и беспокойства. Я шаркнула ногой, и мое движение привлекло внимание обеих женщин.

– Простите, что вмешиваюсь, но моего мужа перевели в отделение интенсивной терапии, а я не знаю, где у вас тут самое лучшее место, где мне можно было бы подождать, пока я смогу с ним увидеться. – Под «лучшим» я подразумевала, конечно, «ближайшее». Наверное, они все же поняли меня правильно.

– Двумя этажами ниже есть кафетерий, вы могли бы подождать там, – предложила женщина в очках. – А мы скажем врачам, где вас найти. По-моему, вам сейчас бы не помешала чашечка крепкого кофе, – тепло добавила она.

Конечно, было бы грубо сообщать ей, что для того, чтобы прийти в норму, мне сейчас потребовалась бы не одна чашечка кофе. И вообще, единственное, что могло бы исправить этот жуткий день, – это если бы мы вечером вышли отсюда вдвоем с Дэвидом, держась за руки. Холодный пот струйкой побежал у меня от затылка по позвоночнику, поскольку я понимала – такого исхода ждать не приходится. По крайней мере, не сегодня. «Или вообще никогда?» – прозвучал зловещий голос у меня в голове.

– Вам нужно будет заполнить кое-какие документы, – добавила вторая женщина, доставая из лотка на своем столе сразу несколько листов бумаги. – Вы можете сейчас взять их с собой, а потом, когда все заполните, вернуть нам.

Я взяла стопку из ее протянутой руки, радуясь тому, что мне, по крайней мере, будет чем заняться, пока я стану ждать известий от врачей.

Кафетерий напоминал собой корабль-призрак. Наверное, утренние посетители, подкрепившиеся здесь чаем, уже давно разошлись, как только закончилось время посещения больных, а для ужина было еще рановато. Я взяла себе чашку какого-то бурого и весьма неаппетитного напитка и перенесла ее на липкую поверхность одного из столиков. Это должен был оказаться чай или кофе в керамической посуде, но по вкусу мне этого так и не удалось определить. Я, как правило, всегда возвращала в ресторане блюдо, если оно казалось мне недостаточно горячим. И уж никогда не стеснялась высказать свое недовольство, если что-то оказывалось несъедобным. Дэвид частенько посмеивался над этой моей привычкой и говорил, что у меня, наверное, где-то имеется татуировка, гласящая «Клиент всегда прав». Ну конечно, мы оба прекрасно знали, что это не так, поскольку Дэвид был хорошо знаком с каждым сантиметром моего тела. Он трогал его, ласкал, целовал. Рука у меня чуть заметно тряслась, когда я поднимала чашку, подносила ее к губам и пробовала напиток на вкус без всяких комментариев и недовольства.

Я тщательно заполнила все бланки, но все равно осталось много пустых мест, потому что я не знала, что писать. По большей части вопросы касались семейной истории болезней или болезней, перенесенных в детстве. Конечно, мать Дэвида могла бы ответить на них, но мне не хотелось ей звонить, пока я не получу какую-либо обнадеживающую информацию. Узнав, что Дэвид попал в больницу, она бы стала настаивать, чтобы я соединила ее с медиками. Ей бы захотелось немедленно поговорить с его лечащим врачом. И если бы этого для нее оказалось недостаточно, она бы продолжила пробиваться вперед, как разъедающая все и не знающая преград кислота, уничтожая любые препятствия на своем пути. В конце концов она добилась бы, чтобы ее соединили с главным врачом. А может, имеет смысл действительно позвонить ей? Она-то умеет улаживать такие дела. Но я только покачала головой, надеясь, что она потом простит меня за то, что я приняла именно такое решение. Нет, дело не в том, что я плохо ладила со своей свекровью, просто ее трудно было назвать доброжелательной и дружелюбно настроенной женщиной. И это было справедливо даже в отношении меня, хотя именно мою кандидатуру она как раз и одобрила! Достаточно сказать, что даже после пяти лет брака лично я предпочитаю по-прежнему называть ее миссис Уильямс, а уж никак не Вероника.

Я посмотрела на свои часы. Прошло уже тридцать минут. Сколько же времени требуется, чтобы перевезти его на несколько этажей вверх и поставить койку в нужном месте? Неужели сейчас никто не появится, чтобы провести меня к нему? Может быть, они забыли, где я сейчас нахожусь? А вдруг к ним прибыл другой пациент и они теперь занимаются им, так как его случай не терпит отлагательств? Может быть, это как раз тот мужчина, которого привезли сюда, когда я приехала в больницу?

Обычно я не поддаюсь панике так, что она, как вирус, проникает внутрь меня, курсирует по моим жилам, и это можно ощущать физически. Скажу больше, только один раз в жизни мне приходилось испытывать нечто подобное. Только раз меня охватывал подобный страх, и я чувствовала себя ранимой и беспомощной – и именно Дэвид тогда пришел мне на помощь. Теперь же я оказалась один на один со своей бедой. Некому было позвонить и попросить посидеть со мной. Никто не торопился сказать мне, что все обойдется. Нет, разумеется, у нас было множество знакомых семейных пар, с которыми мы общались, но никого конкретно я не могла бы назвать своим близким другом. Дэвид как раз и был таким другом. Дэвид был моим мужчиной. Вот почему я чувствовала себя такой потерянной, будто у меня

отняли брата-близнеца. Я направилась к лифтам и нажала на кнопку, вызывая кабину, чтобы снова спуститься к администраторам.

Элли

Шокированная, я последовала за доктором назад к администраторам, пытаюсь сморгнуть выступившие на глазах слезы и при этом притворяюсь перед самой собой, будто они появились только из-за слишком ярко горевших ламп дневного света. Откровенность и беспристрастность медика уничтожили последний огонек надежды в моей душе, за который я так отчаянно хваталась, считая, что здесь кроется какая-то глупая ошибка. Никогда раньше я не испытывала такого страха и не чувствовала себя настолько беспомощной. И одинокой.

Из кармана халата доктора донеслось настойчивое гудение, словно туда залетело какое-то назойливое насекомое.

– Простите, – извинился он, доставая пейджер и внимательно изучая маленький зеленый экран с задней подсветкой.

Я машинально затаила дыхание, следя за выражением его лица и пытаюсь уловить на нем какой-то особый знак. «Пожалуйста, пусть это будет добрая весть, – в отчаянии повторяла я про себя. – Пожалуйста, ну пожалуйста!» Он оторвал взгляд от экрана, и я тут же отметила, что в его едва заметной, но ободряющей улыбке появилось нечто, напоминающее спокойствие.

– Нам везет. Я могу сейчас же отвести вас к мужу.

– Ой, спасибо! – с благодарностью отозвалась я и поспешила вслед за ним в сторону лифтов.

– Пока он находится в нашем отделении интенсивной терапии, это на четвертом этаже, – пояснил он.

Я кивнула.

Лифт, казалось, и не собирался подъезжать. Мой взгляд метался между цифрами, обозначающими местонахождение каждого лифта. Единственное, о чем я сейчас мечтала, – это чтобы один из них немедленно прибыл на первый этаж. Но они ползли на удивление медленно, при этом еще и останавливаясь, как мне казалось, буквально на каждом этаже. Я погрузила пальцы в мягкую игрушку Джейка, чтобы не поддаваться искушению постоянно нажимать на кнопку вызова. Я уже собиралась предложить доктору отправиться пешком по лестнице, как характерный звонок возвестил, что к нам одновременно прибыли обе кабины. Я нервно переминалась с одной ноги на другую, как спринтер перед стартом, пытаюсь определить, какие из дверей разъедутся в стороны раньше. Победил правый лифт, и, как только мы вошли в него, тут же подъехал и левый.

– Боюсь, что вам разрешат повидаться с ним только на пару минут, – предупредил доктор, – но там дальше по коридору есть комната для посетителей, и вы сможете подождать неподалеку. – Я кивнула, готовая в тот момент согласиться со всем, что он скажет. Возможно, если я пообещаю не мешаться, они позволят мне остаться с ним...

Но почти сразу я поняла, что это невозможно. Джо находился в крохотной комнатке, набитой огромным количеством медперсонала в белых халатах. Все они проворно перемещались с одного места на другое, и мне даже пока не было видно того человека, которого все они сейчас старались спасти. В мыслях я уже стремительно летела к нему, едва касаясь ногами больничного линолеума, и уже должна была оказаться рядом, но в реальности ноги мои заплетались, и чем ближе я подходила к заветной комнате, тем меньше во мне оставалось уверенности.

Еще в лифте, когда мы поднимались, доктор пытался предупредить меня о том, что именно я тут увижу, но я не слушала его, вернее, слушала, но, как выяснилось, недостаточно

внимательно, потому что его слова совершенно не подготовили меня к тому, что сейчас предстало перед моими глазами. Начать с того, что я видела Джо какими-то немислимыми урывками – то и дело его от меня загоразивали врачи и медсестры, которые мелькали у меня перед глазами, постоянно перемещаясь с места на место, чтобы иметь доступ то к одному, то к другому из множества аппаратов, присоединенных к телу пациента. Все это напоминало хорошо отрепетированную сцену из балета, а медики все продолжали плавно скользить по помещению, не задевая друг друга и не переставая работать ни на секунду.

Мы подошли к стеклянной двери в палату, но все, что мне теперь стало видно, – это некая фигура под одеялом на койке. По виду он был того же роста и комплекции, что и Джо. Одна из медсестер выпрямилась, после того как установила капельницу, и мне стала видна знакомая прядь волос на накрахмаленной больничной наволочке. Только сегодня утром та же самая шевелюра покоилась рядом со мной, на моей подушке, и его губы шептали: «Пора просыпаться, дорогая» – прямо мне в ухо, как это повторялось тысячи раз изо дня в день. Но теперь они уже ничего не шептали. Да и не смогли бы, потому что изо рта у него торчала длинная пластиковая трубка, исчезавшая где-то среди аппаратуры рядом с койкой.

– Ох, Джо, – тихо прошептала я.

Сопровождающий меня доктор осторожно положил мне руку на плечо, пока я осматривала палату, пытаясь правильно оценить все то, что сейчас происходило в ней.

– Какая у него температура? – отрывисто и с тревогой в голосе поинтересовался кто-то из врачей.

– Пока всего лишь двадцать семь градусов, – услышался ответ.

Кто-то в отчаянии присвистнул, и я сразу догадалась, что новости оказались неутешительными.

– Введите еще адреналин.

– Сколько будет всего?

– Давайте попробуем применить перитонеальный диализ, – предложил кто-то, – потому что если мы не согреем этого парня в самое ближайшее время, то он...

Доктор, стоявший возле меня, громко прокашлялся.

– Обращаюсь ко всем, здесь с нами присутствует миссис Тэйлор. Можем ли мы на секундочку оставить ее одну с мужем?

В этот момент все головы повернулись в мою сторону, и каждый взгляд был полон сочувствия. Это тоже показалось мне плохим знаком.

Они расступились передо мной, как воды Красного моря, расчистив дорожку к койке Джо. С одной стороны мне хотелось попросить их всех выйти отсюда, чтобы оставить нас наедине, а с другой – вопить во весь голос, чтобы они не останавливались, чтобы не упускали ни секунды, продолжая работать, чтобы спасти его.

К счастью, никто из них и не собирался оставить свою работу и прекратить усилия реанимировать Джо. На дрожащих ногах я приблизилась к своему лежащему без сознания мужу, и все медики затихли, хотя и продолжали работать, только теперь они делали все почти беззвучно. Мне показалось, что лучше бы они продолжали с удвоенной энергией, как раньше. Их спокойствие и осторожность заставили меня подумать, что, возможно, они поняли всю тщетность своих усилий и теперь им самим стало ясно, что этот бой ими проигран.

Я подошла к Джо и теперь пыталась найти какую-нибудь доступную часть его тела – ладонь, руку, хоть что-нибудь, – откуда бы не тянулись трубки и провода. Но такого кусочка на его теле не оказалось.

– Эй, Джо, а вот и я! – дрожащим голосом начала я. – Это Элли, – добавила я, поскольку глаза у него были закрыты. Я смотрела на него и чувствовала, что неважно, в каком состоянии он очутился в результате того несчастного случая, сейчас, услышав мой голос, он просто

обязан был открыть глаза. Мои собственные глаза как будто охватил жар. Мне казалось, что они наполнились песком, пока я стояла и смотрела на него, не моргая. Загар на его обветренном лице, который сохранялся даже в разгар зимы, сейчас почему-то бесследно исчез. Так же, как и нежно-розовый оттенок губ. Все лицо его походило на сложенный из серо-синих кусочков мозаики рисунок. Никогда еще я не видела человека с таким цветом лица, по крайней мере, живого человека.

Но ведь Джо не умер. Его грудь ритмично вздымалась и опускалась вместе со стоявшим рядом аппаратом, напоминавшим странные кузнечные мехи и, собственно говоря, выполнявшим за него всю работу. Я протянула руку вперед, но в неуверенности застыла на месте и вопросительно подняла взгляд.

– Можно мне... можно мне хотя бы дотронуться до него?

В ответ мне кивнули сразу несколько человек.

Он оказался холодным, слишком холодным. Мои пальцы пробежали по его щеке, и этот холод словно проник в их подушечки.

– Джо, очнись. Пожалуйста, очнись, – попросила я, склонившись над ним так, что между нами осталось лишь несколько сантиметров.

От него исходил холод, какой ощущаешь, когда стоишь перед открытым холодильником. И когда с моих щек покатались слезы и упали на его лицо, мне показалось, что они прямо там сейчас и замерзнут.

– Нам требуется... – сказал кто-то позади меня, но на него тут же зашикали, чтобы он поскорее замолчал.

– Пусть побудет с ним минуточку. Ей необходимо это время.

Я закрыла глаза, потому что снова почувствовала в этой фразе некий скрытый смысл. Словно это время нужно было мне для того, чтобы успеть попрощаться с мужем.

Я потянулась к ладони Джо, не обращая внимания на капельницу, трубка которой торчала у него из руки, и даже на то, что сейчас сам он больше напоминал безжизненный замороженный манекен. Я схватила его ладонь и сжала ее с такой силой, что могла бы повредить даже свои собственные хрупкие кости.

– Ты должен сейчас проснуться, Джо Тэйлор. Потому что здесь присутствуют люди, которые любят тебя и которым ты нужен... и Джейку тоже очень нужен отец, потому что ведь ты знаешь, я совершенно ничего не понимаю в мальчишеских вкусах. И я никогда не научу его правильно играть в футбол или поменять автомобильную шину, когда колесо спустит, или как нужно бриться... и всякое такое прочее. Поэтому, пожалуйста, проснись немедленно и перестань меня так пугать.

– Но нам действительно сейчас нужно...

Я посмотрела на них глазами, из которых продолжали течь слезы.

– Я понимаю, что мне пора уходить. – С этими словами я снова нагнулась над заledenевшим напоминанием теплого любящего мужчины, которого сама полюбила много лет назад. Я поцеловала его в уголок рта, губами наткнувшись на край выходящей из него плаستيковой трубки. Потом обвела взглядом палату, останавливаясь на каждом из медиков, и произнесла умоляющим голосом: – Только не останавливайтесь. Верните его мне.

После этого я повернулась и, уходя, поставила игрушку нашего сына у задней стенки его койки, у железной решетки, так что он казался пушистым стражем и защитником.

– Приглядывай за ним, – шутливо обратилась я к плюшевому зверю, но никто даже не улыбнулся. Никто.

Шарлотта

Я вышла из лифта со скоростью торопящегося по своим делам пешехода, ну, или, по крайней мере, жителя лондонского пригорода, спешащего на работу в город. Однако в ту же секунду на моем пути к администратору откуда-то возникли двое полицейских, которые сразу же перекрыли мне дорогу. Они оглядели полупустое помещение приемного отделения, о чем-то коротко переговорили с женщинами за стойкой, после чего направились к семейству с плачущими детьми. На мгновение я подумала, что тот, кого они приехали проводить, каким-то образом стал участником несчастного случая. Мне хотелось посочувствовать им, но сейчас все мое сострадание было направлено на куда более близкого и родного мне человека.

– А, это вы, миссис Уильямс, – начала одна из администраторов, увидев, что я подхожу к их столам. – А мы как раз собирались разыскать вас, – заявила она, одновременно забирая у меня частично заполненные документы. – Вашего мужа еще переводят в отделение, но нам сообщили, что если вы захотите подняться наверх, то сможете подождать в комнате для посетителей. По крайней мере, это совсем рядом с ними.

– Да, вы правы. Чем ближе, тем лучше, – тут же согласилась я.

Комната для посетителей оказалась маленькой и угнетающе мрачной, как могила. «Могила от службы национального здравоохранения, – мелькнула у меня в голове такая же невеселая мысль. – Могила для родственников. Это помещение необходимо переименовать». А может, и нет. Как ни называй, вряд ли здесь можно было наполнить надеждой тех бесчисленных «родных и близких», которые сидели именно на том месте, где сейчас расположилась я. Не исключено даже, что именно на этом неудобном пластиковом кресле с деревянными подлокотниками, покрытыми облупившимся мебельным лаком. Интересно, сколько потных ладоней сжимало эти подлокотники, что лак настолько разъелся? И сколько молитв слышали стены этой комнатухи?! Наверное, даже больше, чем церковная исповедальня. И сколько из них были услышаны? Ну, разумеется, не все, это ясно. Не все посетители, ожидавшие в этой комнате, в итоге уходили отсюда домой вместе со своими дорогими и любимыми. Люди умирали в этих палатах, и нет смысла делать вид, будто это не так. Ведь отделение назвали интенсивной терапией не потому, что все остальные названия уже использованы и им просто не хватило фантазии. Только вот иногда, как бы они ни старались, терапия все же оказывалась недостаточно интенсивной.

Разумеется, тогда я ни на секунду не задумывалась о том, что нечто подобное могло относиться к Дэвиду. Он был болен – это стало очевидным даже мне, – но ведь люди не умирают от болезней, которые возникают вот так внезапно, буквально из ниоткуда. Обычно дается время, для того чтобы подготовиться к болезни, которая является опасной для жизни, разве не так? Смерть не может заявиться вот так без предупреждений и унести человека, как катящаяся волна цунами. Всегда бывает некое предупреждение, а значит, и время для подготовки. Разве нет?!

Меня передернуло. Наверное, сама обстановка в комнате навевала такие мысли. Зеленые стены, словно усиливающие клаустрофобию, и маленькие грязные окошки с видом в никуда, вернее, на серую стену такого же мрачного здания. Даже дверь тут походила на вход в морг – с крошечным вырезанным отверстием вместо нормального стекла в большой просторной раме. И, разумеется, здесь было тихо, как в могиле. Впрочем, тишина царствовала повсюду. Хотя из восьми стеклянных палат только две сейчас были заняты. Одна находилась в дальнем конце – та самая, которую я ошибочно приняла за палату Дэвида. Она просто кишела медперсоналом. Вздурораженные врачи и медсестры сутились вокруг пациента, все

с серьезными лицами, все заняты своим делом. В панике я схватила за руку сестру-азиатку, которая провела меня в отделение, сильно сжав ее тоненькие, как у птички, косточки.

– Это палата Дэвида? Там мой муж? – спросила я охрипшим от ужаса голосом.

– Нет-нет-нет, – тут же мелодично пропела она, указывая таким образом на мою ошибку.

Ее огромные темные глаза миндалевидной формы показались мне особенно добрыми. Я даже подумала, что скучная одежда медработника совершенно не шла ей. Она куда лучше смотрелась бы в роскошном и трепещущем на ветру шелковом сари. Нет, ее не должно было быть вот здесь, в этой обстановке. Впрочем, как, наверное, и Дэвида, и меня самой.

– Палата вашего мужа – в самом конце коридора, – сказала сестра, но, едва я повернулась в нужную сторону, как она заставила меня пройти (применив при этом удивительную силу) в противоположном направлении. – Сейчас им занимаются врачи, – пояснила она.

Я послушно шла за ней, вытянув шею туда, где сейчас медики обследовали моего мужа, стараясь разглядеть хоть что-нибудь. Разумеется, мне это не удалось, поскольку окна палаты закрывали опущенные жалюзи. Это было сделано для того, чтобы ничто не мешало персоналу в палате заниматься своим делом. Разумеется, самому пациенту такое уединение было совершенно ни к чему. Вот и тому мужчине такая дополнительная защита была абсолютно безразлична. Я успела заметить, что он, очевидно, был без сознания и при этом подключен к огромному количеству всевозможной медицинской аппаратуры. От этого его палата казалась неким подобием центра управления космическими полетами.

Минут через двадцать ожидания под ярким светом флуоресцентных ламп я почувствовала, что у меня начинают болеть глаза. Поэтому я выключила освещение и сидела в полумраке с одним только боковым фонарем да еще слабым мерцанием китайских фонариков, которыми была обвешана унылая искусственная елка. Она стояла на низеньком столике у стены и была раза в четыре меньше той, что сейчас украшала наш дом, а изяществом не напоминала ее даже отдаленно. Я меняла цвет елочных украшений каждый год. В этом году выбрала серебристый и голубой перламутровый. В январе я сниму все украшения, пожертвую их благотворительному магазину, а уже в следующем декабре все повторится снова. Дэвид обратил на это внимание только один раз за все время, во второй год нашей совместной супружеской жизни. «А разве мы не оставим их себе? – спросил он тогда, аккуратно ссадив меня с лесенки и начиная самостоятельно снимать украшения с самых дальних веток. – Когда я был маленький, я каждый год с удовольствием отыскивал свои самые любимые елочные игрушки...» Тут он замолчал и больше не добавил ни слова. Только потом сильно сжал мне руку, прежде чем передать рулон мягкой упаковочной пленки, которая надежно защищала от повреждений каждый завернутый в нее стеклянный шар.

А вот эта елочка, стоявшая в больнице, совершенно не ободряла и не улучшала настроения. Украшения на ней оказались старенькие, краска на них местами облупилась. В целом деревце выглядело грустным и усталым, и я понимала, как оно должно было себя чувствовать. Я твердо решила передать больнице все наши елочные украшения, как только мы снимем их с елки в январе. Черт, да если они вылечат Дэвида, я каждый год буду покупать им самую большую и самую роскошную елку. Я осторожно дотронулась до серебряной звездочки на макушке маленькой елочки и загадала желание, тщательно проговаривая про себя каждое слово.

Элли

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я попросила Стэна подвезти нас в больницу, и мы смогли побыть рядом с тобой?

Я отрицательно покачала головой – бесполезный жест, учитывая, что в данную минуту я разговаривала по телефону.

– И даже не беспокойся о том, что на улице метель, – продолжала Элис. – Стэн – прекрасный водитель, и он говорит, что с радостью подбросит нас к тебе.

Я огляделась вокруг, в смущении перебарывая слова соседки. Я стояла у центрального входа в больницу, куда вышла как раз с целью позвонить Элис, как и обещала. Дело в том, что я не была уверена в том, разрешено ли пользоваться мобильной связью в стенах больницы. На всякий случай, памятуя о городских легендах, гласящих, что мобильники мешают медицинской аппаратуре нормально функционировать и поддерживать жизнь пациентов, я вышла на улицу – как можно дальше от палаты, где лежал Джо, и только оттуда позвонила. И пока Элис сама не заговорила о погоде, я даже не заметила, что тут метет, и притом достаточно сильно.

Я смотрела на летящие снежинки, подсвеченные натриевыми дуговыми лампами, от которых все на парковочной стоянке сияло оранжевым светом. Скучная и обычно серая бетонная площадка приобрела какой-то фантастический неземной вид, что совершенно не соответствовало отчаянно бурлящей внутри меня тревоге.

– Не надо, Элис. Оставайтесь дома. Я не хочу, чтобы Джейк увидел Джо в таком состоянии. Это напугает его.

В этом я была уверена, потому что была на двадцать три года старше своего сына, но и меня то, что я увидела, напугало до полусмерти. Теперь меня начало трясти, и я только сейчас заметила, что выскочила на улицу, не одевшись. К тому же я вообще не помнила, где оставила пальто. В эту минуту я с трудом могла контролировать себя, так что Джейку пока лучше оставаться в заботливых руках моей доброй соседки. А вот когда врачи справятся с состоянием переохлаждения, в котором сейчас пребывал Джо, и вернут тепло – в прямом и переносном смысле этого слова – нашему любимому человеку, я, конечно, привезу Джейка сюда, прямо к койке его отца. И вот тогда будет неважно, днем это произойдет или ночью.

– Хорошо, Элли. Как считаешь нужным. О Джейке не волнуйся. Мы со Стэном с радостью проведем здесь хоть всю ночь, если будет необходимо.

– Спасибо тебе огромное, ты так добра ко мне, и... – Тут у меня перехватило горло, и я не смогла больше выговорить ни слова.

Элис чуть слышно хмыкнула, потом закашлялась, и я услышала, как она достаточно сдержанно сморкается в платок. Когда она снова заговорила, голос ее стал властным и не терпящим возражений. Наверное, сейчас это было даже хорошо для меня, потому что, услышав слова сочувствия, я бы только окончательно расклеилась.

– Так чем я могу тебе помочь прямо сейчас? Может быть, надо кому-то позвонить? Например, твоим родителям или родителям Джо?

Я шумно сглотнула. Но, как бы ни хотелось мне переложить груз этих звонков на кого-нибудь другого, все же я должна была сделать это сама.

– Не надо, я сама им позвоню, только мне кажется, было бы лучше немного выждать, пока врачи не скажут что-то более или менее ободряющее.

– Это ты неплохо придумала, – подтвердила моя дружелюбно настроенная соседка, которая возрастом приближалась к родителям Джо, хотя в реальной жизни казалась на несколько десятков лет моложе.

Мне было страшно подумать, как отреагируют родители Джо на известие о несчастном случае с их сыном. В последнее время они оба чувствовали себя неважно. Отец Джо уже несколько лет не садился за руль, так что, даже если не учитывать надвигающуюся снежную бурю, трудно было себе представить, что они решатся на пятичасовую поездку, чтобы приехать сюда.

– Ты можешь передать трубку Джейки? – попросила я и, пользуясь минуткой, которая требовалась сыну, чтобы добежать до телефона с кухни, где он играл с мужем Элис, попыталась успокоиться. Я набрала в легкие побольше воздуха, одновременно вдохнув при этом крошечные частички снега. Губы у меня защипало от холода. Но, конечно, это был совсем не тот холод, который сейчас ощущал Джо.

– Как там папуля? Ему уже лучше? Ты скоро приедешь?

Я вдохнула очередную порцию снежинок, и они будто накрыли дозу вранья, которое я собиралась сейчас выдать, как покрывают десерт сладкой глазурью.

– С папой все хорошо, милый. Ему прописали очень горькие лекарства, но зато от них он очень скоро поправится.

Наверняка в книгах по детской психологии написаны целые главы, объясняющие, почему нельзя говорить ребенку неправду в подобных ситуациях. Но к черту теорию. Я всегда буду защищать своего сына от всего, что может причинить ему вред. Я мать и только так должна вести себя, других вариантов поведения у меня быть не может.

– А ты скажи ему, чтобы он зажал нос, тогда покажется не так горько, – посоветовал мой мудрый сынишка.

В этот момент я почувствовала влагу на глазах, но она не имела ничего общего с обжигающими их ледяными кристалликами, падающими с неба.

– Здорово придумал! Пожалуй, я так и сделаю.

– И приезжайте домой побыстрее. Папа обещал прочитать мне последнюю главу из книжки, которую читает мне на ночь, а кроме него никто так не умеет изображать разные голоса.

Я с силой сжала крошечный телефон у своего уха. Он казался мне сейчас единственным спасательным тросом, моей единственной связью с быстро исчезающей нормальной жизнью и таким далеким устрашающим миром, где врачи разрешают лишь проститься с человеком, которого ты любишь, в то время как сложная аппаратура продолжает закачивать кислород в его легкие.

– Я обещаю тебе, что мы вернемся домой как можно скорее. А пока что слушайся Элис и Стэна, будь хорошим мальчиком.

Я понимаю, что нельзя давать детям обещания, если еще неизвестно, сможешь ли ты их выполнить или нет, но, с другой стороны, в один миг целиком и полностью разрушать их мир тоже недопустимо. Учитывая все это, я подумала, что сделала верный выбор, с которым смогу жить и дальше.

Поднимаясь на лифте назад в отделение интенсивной терапии, я убеждала себя в том, что поступила правильно, решив пока не звонить ни своим, ни его родителям. Если быть до конца откровенной, в глубине души я боялась, что если сообщу кому-то о том, что случилось, то запущу в ход некую машину, и произойдет целая цепь нежелательных, страшных событий. В отчаянии я смотрела на свое искаженное отражение в металлической пластине панели управления в кабине лифта и думала только о том, не опоздала ли я вообще. Костяшки домино уже начали падать одна за другой, и я никак не могла остановить этот процесс.

Одна из медсестер отыскала меня как раз в тот момент, когда я через стекло наблюдала за группой хлопотавших над Джо врачей. По их лицам и действиям я не могла определить, улучшилось ли состояние моего мужа или, наоборот, ухудшилось, а спрашивать об этом мне было страшно. Медсестра осторожно взяла меня под локоть и увела от палаты, а вернее, буквально оттащила, поскольку я начала сопротивляться, как только она потянула меня прочь.

– Здесь вы ничего сделать не сможете, – тихо произнесла она.

– Мне просто хотелось быть поближе к нему. Ну, чтобы он знал, что не один, – пояснила я и, взглянув еще раз на заполненную людьми палату, поняла, что Джо, в общем-то, совсем не одинок.

Сестра успокаивающе похлопала меня по руке.

– Как только появятся какие-либо изменения, я обязательно приду за вами. Обещаю. А пока что можете подождать вот тут. Здесь вам будет гораздо удобнее, – сказала она, подходя к двери с маленьким стеклянным окошечком, больше похожим на прорезанную в дереве щель.

Мне было удивительно это слышать: неужели сестра действительно считала, что я могу в такой момент беспокоиться о собственном удобстве?! Сейчас, когда жизнь моего мужа буквально висела на волоске? Сегодняшняя ночь, безо всякого преувеличения, стала худшей в моей жизни. Я протянула руку и открыла дверь в комнату для посетителей. И в тот же момент ночь стала хуже в тысячу раз, превратившись в настоящий кошмар.

Шарлотта

Я чутко прислушивалась к шагам, раздававшимся в коридоре, то приближающимся, то удаляющимся. Всякий раз, когда кто-то оказывался возле комнаты ожиданий, я чувствовала, как учащалось мое сердцебиение, во рту становилось сухо, и я от волнения даже забывала о том, что нужно иногда сглатывать, а дышать – постоянно. Каждая ложная тревога больно отдавалась в моем и без того измученном сердце, делая его все более уязвимым. Казалось, что при малейшей провокации оно попросту разлетится на мелкие осколки. Тишина тоже словно выработала свой собственный ритм, пока я продолжала напрягать слух до предела, чтобы уловить малейший звук, который иногда доносился из палаты, поглощающей, казалось, все шумы без исключения. И это меня тоже бесило. Вот снова послышались приближающиеся шаги, только на этот раз они не пронеслись торопливо мимо двери, а замерли возле комнаты. Я застыла. Я так долго ждала возможности побеседовать с врачами и вот теперь, когда кто-то из них уже находился здесь, вдруг поняла, что мне хочется забаррикадировать эту дверь или сделать что-то совсем уж невозможное, чтобы только не пускать никого из них внутрь. Я впилась взглядом в хромированную ручку и увидела, как она медленно поползла вниз. В следующий миг дверь распахнулась.

Элли

Я считала, что в комнате никого нет. Медсестра не предупредила меня о том, что в ней находится еще один человек. Но этот человек уже там был.

Лицо посетительницы было обращено в сторону двери, а ее взгляд направлен на меня. Никакого замешательства или неуверенности не последовало. Прошли годы с тех пор, как мы виделись в последний раз, но я помнила черты ее лица так же хорошо, как знала свои собственные. Передо мной находилась та самая женщина, которая когда-то изменила всю мою жизнь.

На мгновение наступила тишина, порожденная нашим обоюдным потрясением. Она заговорила первой.

Шарлотта

– Ты?! – Я увидела, как медсестра от изумления приподняла брови, а у Элли в ту же секунду от неожиданности открылся рот. – Откуда ты узнала, что он здесь? Кто тебе об этом сказал? – продолжала я.

Взгляд медсестры метался между нами. Она была явно смущена. И не только она одна. Элли замотала головой, как будто пересказывала запутанный сон и никак не могла сообразить, что происходит.

– Я... я была дома... мне полицейские сообщили. Но ты-то почему здесь?

Я не обратила внимания на ее вопрос. Миллион подозрений, которые, как я надеялась, запрятались со временем так далеко, что никогда не выползут наружу, неожиданно вернулись.

– Но откуда они узнали, как тебя найти?

– Они нашли мой номер у него в бумажнике. Но я ничего не понимаю. Что ты тут делаешь, Шарлотта?!

Я была так поражена ее вопросом, что на несколько секунд лишилась дара речи. Она что, строит какие-то планы? Или у нее нервный срыв? Других причин, чтобы вести себя так вызывающе, я отыскать не могла. Это ее здесь не должно было быть. Это она нагло вторглась на чужую территорию.

– Наверное, то же самое, что и ты, – ответила я, стараясь говорить пренебрежительно, но слова получились вымученные, наполненные болью. «Неужели он носил с собой ее телефонный номер? После всего того, что произошло за это время?»

Медсестра, не отличавшаяся, очевидно, особой сообразительностью, продолжала переводить взгляд с меня на Элли и обратно, пока наконец на ее лице не засветилось нечто вроде понимания сути случившегося.

– Так, значит, вы знакомы? – бесхитростно поинтересовалась она.

Наступила мертвая тишина.

– Да. Точнее, когда-то были знакомы, – негромко ответила Элли.

Я подождала, пока медсестра уйдет, и только после этого снова повернулась к женщине, само существование которой напоминало линию разлома, запрятанную глубоко в основе моего брака.

– Пожалуйста, иди домой. Тебе здесь не место, – произнесла я.

Черты ее лица мгновенно исказились. Глаза наполнились слезами, но даже сейчас, измученная болью, она все равно казалась очень даже симпатичной.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, но именно мне здесь сейчас самое место. Мужчина, которого я люблю, борется за свою жизнь. И где еще я могу быть в данный момент, если не здесь?

– Но он не твой муж. Он мой! – выкрикнула я, и голос у меня сорвался, а из глаз брызнули слезы, видеть которые ей не следовало.

Элли вытаращила глаза, словно не верила мне. Впрочем, она ведь не знала, что мы поженились.

– Дэвид? – с дрожью в голосе произнесла она, и мне стало неприятно просто из-за того, что его имя вырвалось именно из ее уст. – Дэвид здесь, в больнице?! – Она протянула руку, чтобы схватиться за стул и удержаться на ногах. Она казалась потрясенной, и я впервые ощутила сомнения, правда, решила держаться до последнего, даже несмотря на то что почва у меня уходила из-под ног.

– Дэвид здесь? – снова удивленно повторила она. – Здесь, в больнице? И в этом отделении?

Я коротко кивнула. Последовало молчание, видимо, она пыталась что-то сообразить, прежде чем продолжить:

– Я не могу в это поверить. Как такое вообще может быть? Нет, это непостижимо.

Неожиданно, сама не зная почему, я ей поверила. Такое изумление невозможно было подделать. Я наблюдала за тем, как она нервно провела рукой по своим блестящим каштановым волосам до плеч, одновременно мотая головой из стороны в сторону, словно не веря

в происходящее. Наши взгляды встретились, и в ее глазах я увидела отражение своих, так же отказывающихся поверить в то, что судьба снова неумолимо сталкивала меня с ней.

– Я приехала сюда не из-за твоего мужа, а из-за своего, – сказала Элли.

Мне всегда нравилась математика. Но я никогда не смогла бы даже прикинуть вероятность того, что мне придется оказаться в больничной комнате для ожидания с женщиной, владевшей частичкой сердца моего мужа, той самой, которую мне так и не удалось заполнить.

Элли

Я медленно опустилась на жесткий пластиковый стул. Какова была вероятность нашей встречи? Один шанс из миллиона? Из миллиарда? Мы обе молчали несколько минут, потеряв дар речи из-за невероятности ситуации, в которой очутились. Мы считаем, что вполне способны управлять собственной жизнью. Полагаем, что самостоятельно принимаем в ней все решения. А потом происходит нечто подобное, и мы начинаем понимать, что являемся лишь крошечными шахматными фигурами, движимыми по прихоти чего-то или кого-то куда более значительного и могущественного. Свобода воли? Мне показалось, что я больше в это не верю. Я первой нарушила молчание.

– А что с ним случилось? Почему Дэвид здесь?

– Сердечный приступ, – коротко пояснила Шарлотта. Слова вылетели у нее изо рта, как пули. Они попали точно в цель, и я вздрогнула от удара.

– Да что ты! По-моему, он еще слишком молод для этого.

Она прищурилась и молча уставилась на меня, будто я намеренно подвергла сомнению ее слова. Потом подняла руку и принялась стирать крошечные невидимые морщинки со лба. В этот момент я невольно подумала о том, досталась ли ей такая идеально гладкая кожа благодаря генам или же она все-таки прибегает к помощи косметологов.

– В общем, да. Я сама пока ничего не понимаю. Жду, когда мне можно будет поговорить с врачами, – уже более спокойно продолжила Шарлотта.

И снова неловкая пауза. Между нами было столько всего неуловимого, способного заново разжечь ненависть, что любая крохотная искорка грозила разгореться в адское пламя. А с этим, как я подозревала, сейчас не смогла бы справиться ни одна из нас.

Мне очень не хотелось с ней разговаривать, однако я поймала себя на том, что не могу перестать тайком ее изучать. Мы с ней выбрали стулья, стоявшие в противоположных концах комнаты, чтобы быть по возможности подальше друг от друга. И даже при тусклом освещении я смогла разглядеть и ее модную прическу, и серебряные украшения из последней коллекции, и обувь на невероятно высоких каблуках, которые должны были оставлять неизгладимое впечатление от их обладательницы. Я была совершенно уверена в том, что ее сшитое на заказ платье довольно смелого кроя стоило больше, чем весь мой гардероб за целый год. Я была одета в простенький черный джемпер и джинсы, заправленные в черные сапожки. Это была моя рабочая униформа мамочки, и мне она уже давно пришлась по вкусу. Кроме всего прочего, Джо нравилось, когда я надевала джинсы. Неожиданно мне вспомнилось, как он любил проводить своими натруженными ладонями по моим бедрам, обтянутым джинсовой тканью. В горле у меня уже давно образовался комок, и сейчас оттуда словно вырвался приглушенный звук. Шарлотта встрепенулась от неожиданности, но лишь продолжала смотреть на меня, даже не пошевелившись, чтобы приблизиться.

– Значит, твой муж... Джон, да?

– Джо, – поправила я, почему-то раздражаясь из-за ее ошибки.

– Так что же с ним случилось?

– Он попал под лед на замерзшем озере.

Идеально выщипанные ухоженные брови Шарлотты поползли вверх. Впрочем, я сразу осознала, что это была вполне ожидаемая реакция.

– А что он делал на этом озере?

– Понятия не имею, – коротко ответила я, прерывая ее неумелую попытку начать беседу.

Она чуть заметно пожала плечами, что только подтвердило мою догадку: ей было наплевать на состояние моего мужа. Сейчас она думала только о Дэвиде, и в этом она ни чуточки не изменилась. Вообще не изменилась.

Послышались шаги, приближающиеся к комнате для посетителей, и мы одновременно подпрыгнули на стульях. Трудно было определить, из какого конца коридора к нам шли – со стороны палаты Джо или Дэвида. Дверь распахнулась. На пороге стоял врач в белом халате. Но я не смогла припомнить его среди бригады, которая работала с Джо. Доктор явился не один. С одной стороны от него стояла медсестра, а с другой – очень молодой мужчина с небрежно свисающим с шеи стетоскопом.

– Миссис Уильямс? – произнес тот врач, который был старше, вопросительно переводя взгляд с меня на Шарлотту и обратно.

– Это я. Я миссис Уильямс, – ответила Шарлотта, делая ударение на слове «я» и одновременно вскакивая со своего места.

Мои ладони машинально сжались в кулаки, когда эти слова, как призраки прошлого, эхом отозвались во мне, а ведь я совсем не была обязана их помнить.

– Миссис Уильямс. Миссис Элли Уильямс. Это ведь произойдет, и ты сама это знаешь. Когда-нибудь, через несколько лет. – Дэвид обхватил меня одной рукой, сильнее прижимая к своему обнаженному телу. Я игриво сопротивлялась, отталкивая его, но накачанные мышцы его пресса даже не дрогнули под моими ладонями.

– Замолчи, – ответила я, зарываясь головой в его широкое плечо и пытаюсь использовать его, как подушку. Кровать в его студенческом жилище была узкой и не слишком удобной, но тогда никто из нас не обращал на это внимания.

– Можешь протестовать, сколько тебе будет угодно, – поддразнивал он меня, запуская пальцы в мои длинные каштановые волосы и нежно приподнимая мою голову так, чтобы я смогла заглянуть ему в глаза: – Но потом сама во всем убедишься. Когда-нибудь я с тобой разберусь.

Щеки мои мгновенно порозовели. Я никогда не могла понять, говорит ли он это серьезно.

– Кажется, ты уже сегодня неплохо разобрался со мной... целых два раза, – заявила я.

– Но Бог любит трюхи. Не возражаешь? – поинтересовался Дэвид, подтягивая меня наверх. – Попробуем, будущая миссис Уильямс?

– Пройдемте с нами, миссис Уильямс. У нас есть новости о состоянии вашего супруга.

Я была рада, что осталась одна, что доктора увели Шарлотту на частную консультацию. Я твердила себе, будто мне все равно, что они ей там скажут. Я уверяла себя, что ко мне это уже не имеет никакого отношения. Я повторяла про себя, что сейчас меня интересует только Джо и никто другой. Я сидела в темноте в окружении своих собственных лживых мыслей.

Мой взгляд то и дело падал на мерцавшие лампочки на маленькой елочке, стоявшей на столе. В ту ночь, когда мы познакомились, рядом тоже была елка, только огромная и роскошная, высотой почти с навес, под которым шел праздник, и ее практически не было видно со входа, украшенного гирляндой цветных лампочек. Я спешила войти, и у меня не было времени остановиться и восхищаться такой красотой, ведь я уже опаздывала. И тут подошва

одной из моих дешевеньких туфель, которые я купила в тот же день чуть ранее, заскользила, как конек на обледеневшей дорожке, и я поняла, что падаю...

Глава 3

Элли. Девять лет назад

– Эй! Не падать там! – Его голос раздался откуда-то из темноты, и пальцы тут же вцепились мне в руку, подхватив ее, прежде чем я успела перевернуться через голову и грохнуться на землю прямо перед длинной извивающейся очередью из студентов, выстроившихся у входа, чтобы попасть на «Бал снежинок».

Похоже, мои ноги зацепились одна за другую, как это очень смешно получается у героев мультфильмов. Наконец я перестала скользить и снова обрела равновесие.

– Спасибо, – задыхаясь, выпалила я, уже чувствуя, как щеки начинают пылать смущенным румянцем, подняла глаза, но не смогла разглядеть подхватившего меня человека.

– Дэвид, девушки опять падают к твоим ногам? – насмешливо спросил чей-то голос с другой стороны дорожки. – Это уже начинает надоедать, старина. Может, чуть подвинешься и дашь остальным шанс попытаться счастья?

Это язвительное замечание завершилось вспышкой булькающего смеха: кто-то явно остался доволен собственной шуткой. А вот я не очень. Особенно когда его слова привлекли внимание нескольких студентов, стоявших в очереди, чтобы сдать билеты на праздник, который студенческий совет разрекламировал как «знаменательное событие, которое никак нельзя пропустить». Вообще-то такой слоган мне совсем не нравился, по мне так он должен был бы звучать скорее как «Знаменательное событие, которое никак нельзя посетить». Уж точно не за семьдесят фунтов за билет, после чего от моей студенческой ссуды за семестр почти ничего бы не осталось. Если бы не отчаянные мольбы близкого друга и если бы трубача внезапно не подкосил грипп, я бы ни за что не стояла перед огромным навесом в дешевеньких туфлях на скользкой подошве, а незнакомый парень не держал бы меня крепко за руки. На самом деле он не выпускал меня, хотя опасность упасть давно миновала.

– Спасибо, – повторила я куда-то в сторону своего спасителя, который все так же возвышался сумрачным силуэтом на фоне темного неба.

– Надо сильнее разбавлять, – поддразнил он меня.

– Да ничего я не пила, – ошетибилась я, хотя не могла с уверенностью сказать того же о нем или о его приятеле. Торопясь поскорее уйти, я высвободила руку с чуть большей силой, чем следовало бы, и тут же снова чуть не упала. Его руки опять подхватили меня. Я услышала раздавшиеся из очереди смешки и почувствовала, как щеки мои запылали еще жарче, словно ртуть в градуснике стремительно поползла вверх. Я терпеть не могла находиться в центре внимания или выставляя себя на посмеище, а теперь мне угрожало и то, и другое.

– Я пошутил, – ответил парень, которого, как я поняла, звали Дэвид. – Дорожка тут и вправду скользкая, и, наверное, нелегко идти по ней на высоких каблуках.

Вот только туфли на мне были без каблуков. Новые черные блестящие лодочки в сочетании с прямой узкой черной юбкой и дешевой черной блузкой. Я выглядела собравшейся скорее на похороны, чем на бал, и мне приходилось постоянно напоминать самой себе, что я – музыкант, а не гость. Все это походило на современные вариации на тему классической сказки. «Золушка, ты сможешь отправиться на бал... вот только чтобы попасть туда, тебе придется играть в оркестре».

– Уверены, что все в порядке? Я вас не очень больно подхватил, правда?

Голос у него был приятный, созданный для пения, что сразу уловило мое ухо профессионала. Он обладал глубиной и насыщенными обертонами, навеяв мысли о густом меде.

Я быстро заморгала, чтобы поскорее стряхнуть это причудливое видение, и тут приятель моего спасителя снова крикнул:

– Дэвид, тут же окоченеть можно от холода. Давай бери у нее телефончик и дуй сюда, иначе ребята выпьют все шампанское к тому времени, как мы попадем внутрь.

Я оглянулась через плечо в том направлении, откуда раздались реплики, а потом снова взглянула на стоявшего передо мной парня.

– Нет-нет, все в порядке. Еще раз спасибо. Извините, мне пора идти, – ответила я, быстро направляясь мимо него к служебному входу. Я и так уже на пятнадцать минут опоздала на встречу с руководителем оркестра, обеспечивавшего живую музыку на балу. Он, наверное, с ума сходил, думая, что я не приду.

Я совсем было исчезла в темноте, когда кто-то под навесом щелкнул выключателем, и окаймляющие дорожку деревья вдруг ожили, как по мановению волшебной палочки, обвитые пропущенными вдоль ветвей светодиодными лампочками. Вот тогда я впервые по-настоящему разглядела его, освещенного со всех сторон сиянием тысяч мерцающих огоньков. Это был, вне всякого сомнения, самый симпатичный и потрясающий парень, которого я видела в своей жизни.

За дверью служебного входа царила обычная атмосфера буйного помешательства, которая всегда предшествует большому выступлению. Конечно, я больше привыкла к классическим концертам, нежели к джазовым оркестрам, но сразу ощутила знакомую суету и едва сдерживаемую, витавшую в воздухе панику. Я знала руководителя оркестра только в лицо, но и без того смогла бы догадаться, к кому подойти, поскольку он больше всего напоминал человека, которого от стресса вот-вот хватит инфаркт.

Я пробралась через оживленную группу оркестрантов и похлопала его по плечу.

– Здравствуйте, я Александра Нельсон. То есть Элли, – поправила я. Он удостоил меня мимолетным взглядом и рассеянным кивком, после чего продолжил вглядываться в толпу, кого-то или что-то там высматривая.

– Я заменяю вашего заболевшего трубача, – добавила я.

Он вцепился руками мне в плечи, и на мгновение мне показалось, что он то ли вытрясет из меня душу за опоздание, то ли расцелует от счастья. Слава богу, он не сделал ни того, ни другого.

– Господи, наконец-то. Я уж думал, что вы не придете.

– Простите, – извинилась я. – Но мне пришлось... – Мне не удалось закончить фразу, поскольку в руки мне сунули большую папку с нотами.

– Чертовски надеюсь, что вы играете так же хорошо, как это расписал Том, поскольку мы в первой десятке.

Я сглотнула и посмотрела на увесистую пачку нот в руках.

– Так что прошу вас, скажите, что вы читаете и играете с листа лучше всех на музыкальном отделении.

Я не была уверена, могу ли претендовать на звание лучшей, однако обстановка не располагала к ложной скромности. Я взглянула на партитуру с уверенностью, которая, как я надеялась, не осталась незамеченной.

– Не волнуйтесь. Я с этим справлюсь.

Он кивнул, явно довольный. Прослушивания в этот элитный оркестр славились своей жестокостью, и я подумала, что мое зачисление, вероятно, войдет в его историю как самое легкое и быстрое. Однако что еще ему оставалось делать, когда до главного выступления года оставались считанные минуты, а зал заполнили студенты, заплатившие немалые деньги за музыкальный вечер? Кроме того, мне предстояло играть с ними всего лишь один концерт.

– Просто идите в ногу с оркестром. Мы добавляем движения в нескольких известных номерах.

У меня упало сердце. Это оказался совсем другой мир, отличавшийся от университетского филармонического оркестра, в котором обычно играла. Не та музыка, которую я привыкла исполнять, и не те люди, с которыми мне хотелось бы общаться. *Движения? Что еще за движения?* Я искренне надеялась, что он не имел в виду, что мне придется танцевать, поскольку это было *однозначно* не из моей оперы.

– Все будет хорошо, – заверил он то ли себя, то ли меня, и я почти видела, как он мысленно вычеркивает «заболевшего трубача» из списка вопросов, которые нужно решить в оставшиеся десять минут.

Я скинула стеганую куртку, уселась на один из больших ящиков, в которых перевозят усилители, и пробежала глазами программу концерта. За вечер предстояло сыграть три отделения по сорок пять минут каждое, и музыка в основном представляла собой хорошо известные джазовые номера из тех, которые популяризуют певцы вроде Майкла Бубле. Моим родителям понравилось бы. Они получили бы от этого гораздо больше удовольствия, чем от бесконечных сольных номеров, которые они стоически выдерживали, сидя среди публики, последние пятнадцать лет – с тех пор, как я начала заниматься музыкой. Сам факт того, что они не пропустили ни одного моего выступления, свидетельствовал скорее об их любви ко мне и о гордости за мои достижения, нежели о любви к музыке как таковой. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы осознать, что любовь к классической музыке передавалась мне через поколение. Именно бабушку мне больше всего хотелось видеть на концертах. Именно ее музыкальный дар перешел ко мне по наследству вместе с каштановыми волосами, зелеными глазами и пухлыми губами. Губами, которые пора разминать, вспомнила я, открывая застёжки черного футляра, в котором лежала моя труба.

Зал был великолепен. Высокий сводчатый потолок представлял собой купол из матерчатых складок, в которых разместилось целое созвездие светящихся огоньков. Это зрелище ошеломило нас, когда мы медленно, один за другим, выходили на сцену. Но я успела заметить еще по крайней мере две гигантские ледяные скульптуры и огромный шоколадный фонтан сбоку от площадки. Прямо перед сценой располагался дощатый танцпол, остальное пространство занимало множество больших круглых столов в праздничном убранстве, накрытых белыми скатертями. Когда мы заняли свои места, участники бала издали призывный рев. Я исполняла партию первой трубы и прошла на отведенное мне место в верхнем ряду за тромбонистами, которые, в свою очередь, расселись за саксофонами. Я ощутила знакомое посасывание под ложечкой. Станный пьянящий коктейль из растущего страха и радостного возбуждения. Лишь на одно короткое мгновение перед началом первого номера, когда руководитель оркестра оглядел рассеявшихся музыкантов, я как всегда подумала: «Какого черта я здесь делаю?» Затем он театрально взмахнул руками, я поднесла трубу к губам и погрузилась в волшебный мир музыки.

Первое отделение пролетело быстро. Нам дали двадцатиминутный перерыв, которого хватило на то, чтобы выпить бутылочку воды и попробовать несколько бутербродов, которые принесли в небольшое импровизированное артистическое фойе в задней части зала. Гости ели отнюдь не бутерброды, но они же *заплатили* за горячий ужин из изысканных блюд и за шесть бутылок вина, которые я насчитала на каждом столике.

Я снова столкнулась с Дэвидом лишь во время последнего перерыва. Остальные оркестранты, что неудивительно, прекрасно знали друг друга и оживленно болтали, разбившись на группки. Среди них я чувствовала себя не в своей тарелке, что представлялось нелепым, поскольку на сцене я ощущала, как общая мелодия превращает нас в единый живой музыкальный организм. Я не стеснительна, но всегда принадлежала к тому типу людей, которые предпочитают спокойно наблюдать со стороны. Возможно, это результат того, что я росла единственным ребенком у родителей, которые были на добрых пятнадцать лет старше отцов и матерей моих одноклассников. Или же, наверное, такой меня создала природа. Люди,

плохо знавшие меня, часто ошибочно считали, что я замкнутая или отчужденная. На самом деле – ни то, ни другое, однако мне требовалось много времени, чтобы открыться перед незнакомыми людьми, и, хотя я уже второй год училась в университете, я обзавелась бесчисленным количеством знакомых и лишь очень узким кругом близких друзей.

Я вышла за импровизированный занавес, отделявший занятые музыкантами кулисы от главной части зала, и сразу же увидела его. Он стоял у одного из столиков слева от сцены, весело болтая и смеясь с сидевшими за ним людьми. Без какой-то видимой причины он вдруг посмотрел в моем направлении, словно его окликнули по имени. Что-то сказав своим собеседникам, он хлопнул одного из них по плечу, выпрямился и начал пробираться ко мне. Смутившись, я на какое-то мгновение решила сделать вид, что не заметила его, и нырнуть обратно за кулисы, куда гостям входить не полагалось. Для этого внезапного страха не было никаких оснований. В его глазах не было ничего пугающего, когда наши взгляды встретились, и он уверенно прокладывал путь ко мне через толпу гостей, многие из которых казались уже основательно набравшимися.

Дэвид выглядел просто потрясающе в вечернем костюме, который сидел на нем слишком элегантно, чтобы быть взятым напрокат. Он словно сошел с рекламы глянцевого журнала, прославляющей стиль жизни сливок общества, которому, на самом деле, никто не следовал. Расстегнутая бабочка небрежно болталась вокруг расстегнутого ворота его ослепительно-белой рубашки. Я никогда не понимала, почему это смотрелось так сексуально, но в его случае эффект еще более усиливался, и у меня вдруг непроизвольно сдавило горло.

– Привет, девчушка-пьянчужка. Так, значит, ты музыкант, – произнес он, непринужденно улыбаясь. – Играешь на рожке.

Помимо своей воли я слышала веселье в своем голосе, когда поправляла его по каждому пункту.

– Я же говорила уже, что не пила. А рожок – это мороженое, а не инструмент. А если бы и был инструментом, то я на нем не играю. Я трубочка.

Глаза его сверкнули даже ярче, чем огоньки на потолке, освещавшие нас, и я снова поняла, что он надо мной подтрунивает.

– Ты прекрасно играешь, – сделал он мне комплимент. – И давно ты в этом оркестре? Я что-то не припомню, чтобы видел тебя раньше на их концертах.

Я взглянула на свои часики на узком ремешке (подарок к четырнадцатилетию), которые даже спустя семь лет шли минута в минуту.

– Вообще-то чуть меньше двух часов, – ответила я. – Я подхватка.

– Ну, разумеется, – кивнул он с видом знатока, после чего наклонился ко мне так близко, что я уловила пряный аромат его одеколора. – А что это такое? – добавил он уже шепотом.

Я улыбнулась. Я настолько привыкла к разговорам с братьями-музыкантами и соседями по общежитию, которые тоже обучались музыке, что обычно забывала, что не всем знаком наш профессиональный жаргон.

– Это когда замещаешь кого-то, кто заболел, – объяснила я. – Играешь на подхвате. Вообще-то это не та музыка, которой я обычно занимаюсь.

– Тебе больше по душе тяжелый металл, да?

Я взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы. Такой за словом в карман не полезет, к тому же остроумен. И тут вдруг я почувствовала, будто выплываю из глубины на поверхность.

– Я играю в университетском филармоническом оркестре, – гордо заявила я. – Но что-то мне подсказывает, что ты не часто ходишь на наши выступления.

Он улыбнулся, и я заметила, что в уголках глаз у него появились морщинки, которые делали его еще более неотразимым.

– С чего это ты взяла?

Я неловко пожала плечами, пожалев о своих словах, которые никак не могли поддержать завязавшийся разговор, и добавила:

– Ну, не знаю... ты... и твои друзья... вы как-то не очень похожи на тех, кто обычно сидит у нас на концертах.

– Ты как-то слишком жестко защищаешь свои музыкальные вкусы, пьянчужка.

– Не пила я ничего, – возразила я. – А сказать хотела лишь то, что это, похоже, не твоя музыка. Сомневаюсь, что ты сможешь назвать хотя бы *трех* композиторов-классиков.

– А, так, значит, брошен вызов, – чуть издевательски отозвался он. – Я просто обожаю вот этих...

Я вдруг растерялась, не зная, относится ли это к именам музыкантов или к чему-то еще. Тем не менее он очаровательно наморщил лоб (*как такое вообще возможно?*), пытаюсь сосредоточиться.

– Э-м-м... Бетховен, Бах... и... э-э-э...

– Барток, Берлиоз, Бертини, Бизе, Брамс...

– Ух ты! Ты играешь всех на букву «Б», что ли?

– Бред.

– Вот, еще один! – шутливо заметил он. – Ты все воспринимаешь так серьезно, выпивоха?

– А ты все воспринимаешь *несерьезно*? – парировала я.

– Тут вся штука в равновесии, – ответил Дэвид. – К тому же сегодня праздник. Можно веселиться. Мешай дело с бездельем... – Вторая часть пословицы повисла в воздухе.

– Получишь бакалавра с отличием, – закончила я, невольно выдав свой трехлетний студенческий стаж.

Когда позади нас в артистическом фойе раздался мелодичный звон колокольчика, я с благодарностью воспользовалась этим предложением, чтобы покинуть спарринг-ринг.

– Мне надо идти, нам пора снова на сцену.

– А когда вы закончите играть?

– Не раньше чем через сорок пять минут, – ответила я, уже поворачиваясь.

Но тут он протянул руку и легонько взял меня за запястье, не давая уйти.

– Приходи к нашему столику, когда закончишь, выпьем по чуть-чуть, – совершенно неожиданно пригласил он меня, кивнув головой в сторону одного из самых шумных сборищ в зале. Я взглянула на столик, от которого он недавно отошел. Большая компания его друзей над чем-то громко хохотала чуть вдалеке от двух парочек, которые столь откровенно демонстрировали свои нежные чувства, что время от времени кто-то выкрикивал: «Отойдем-ка подальше!» Все веселились от души и были одеты в соответствии с обстановкой – в дорогие на вид бальные платья и вечерние костюмы.

Пока я смотрела на них, к столику подошел официант с подносом, на котором громоздились четыре бутылки шампанского. Компания встретила его появление восторженными возгласами. Я впервые за вечер подумала, что Дэвид, возможно, сам был немного навеселе, хотя по его поведению я этого не заметила.

Я покачала головой и осторожно высвободила запястье из его пальцев.

– Извини, нам не разрешают, – соврала я, импровизируя на ходу. – Нам не позволяют общаться с заплатившими за билеты гостями.

– Глядите, прямо диккенсовская чопорность.

– Таковы правила, – пожала я плечами.

Его глаза сверкнули озорным блеском.

– Правила создают, чтобы их нарушать.

– Нарушать их – не в моих правилах.

Легонько покачав головой, я исчезла за занавесом, чтобы занять место рядом с другими оркестрантами. Я и подумать тогда не могла, что только что встретила человека, который изменит всю мою жизнь.

Шарлотта

– Простите, какой вирус, вы сказали?

Врачи проводили меня в небольшую комнату за сестринским постом. Дверь – без таблички, на столе – ни единого листка бумаги. Унылое и безрадостное помещение, что показалось мне пугающе символичным. У пожилого врача, на вид чуть за пятьдесят, была густая рыжеватая с проседью борода, и он больше походил на лесоруба, нежели на медика. Молодой доктор осторожно прикрыл дверь, отрезав нас от раздававшихся в коридоре отделения звуков, а пожилой предложил мне сесть. Когда я отказалась, он тихо, но настойчиво произнес:

– Миссис Уильямс, пожалуйста, присаживайтесь.

Вот тут я испугалась по-настоящему. Собирался ли он сказать что-то настолько страшное, что после его слов я буквально не смогла бы устоять на ногах? Возможно.

– Вирусная кардиомиопатия, – произнес доктор и, протянув руку через разделяющее наши стулья пространство, успокаивающе положил ладонь на пальцы моих обеих рук, нервно сплетавших различные узоры.

Этот простой жест дал мне понять, что случилось что-то серьезное. Я заставила свои руки успокоиться.

– Но ведь вы же сможете дать ему что-нибудь от этого, да? Если это вирус, его же можно вылечить? Антибиотиками или... чем-то другим? – Я посмотрела на сопровождавшего нас молодого врача. Он смущенно поигрывал наушником висевшего у него на шее стетоскопа, и я вдруг поняла, зачем он здесь. Чтобы научиться озвучивать чрезвычайно страшные новости и диагнозы родственникам больных. Ну что ж, ему придется учиться этому в другой раз, на другом больном, потому что я просто-напросто не собиралась принимать этот диагноз. Я снова перевела взгляд на пожилого доктора, который с сожалением покачивал головой из стороны в сторону.

– Вирусная кардиомиопатия возникает, когда вирусная инфекция вызывает состояние, называемое миокардитом, результатом которого становится утолщение миокарда и расширение желудочков сердца.

Я нетерпеливо затрясла головой.

– А можно простыми словами?

Я впервые увидела за белым халатом врача живого человека: взгляд его смягчился, когда наши глаза встретились.

– Если объяснять на пальцах, то ваш муж...

– Дэвид, – вставила я.

– Дэвид, – продолжил врач, – подхватил вирус, который поразил мышцы его сердца, разрушая их.

Я громко сглотнула.

– А как эти мышцы лечить? Что вы делаете, чтобы они снова пришли в норму? – Он молчал. – Что вы хотите мне сказать? Что их *нельзя* вылечить?

Доктор медленно наклонил голову, похоже, чтобы дать мне время вникнуть в слова, которым было суждено изменить мое будущее. Только тогда я этого не поняла.

– В реальной жизни Дэвид будет страдать от нарастающей одышки, утомляемости и головокружения. Нам необходимо провести дополнительные исследования и найти способы облегчить его состояние. Однако в данный момент вам нужно четко представлять себе, что

ему придется радикально изменить свой стиль жизни в соответствии с его состоянием, пока мы найдем способ замедлить ухудшение его здоровья.

– А если вы не сможете его замедлить?

Врач посмотрел на меня так, словно мне не стоило задавать этот вопрос, но он, очевидно, знал, что я его задам.

– Давайте решать проблемы по мере их возникновения, хорошо?

Я решительно замотала головой.

– Нет, – заявила я, ошеломив обоих врачей своим напором. – Давайте решать их теперь. Я должна все знать. Он... У него... – Несмотря на всю демонстрацию силы, я так и не смогла решиться задать следующий вопрос одревеневшими от ужаса губами. Я попыталась зайти с другой стороны: – Его... его жизни что-то угрожает?

Врачу понадобилось семь секунд, каждую из которых я отсчитала про себя, чтобы озвучить самую печальную новость, которую я слышала за всю свою жизнь.

– С большой вероятностью – да.

Элли. Девять лет назад

В течение последнего отделения я предпринимала огромные усилия, чтобы не смотреть в направлении его столика. Однако и тогда мне казалось, что я чувствую, как его взгляд буравит меня сквозь затемненный зал, словно лазеры. Во время пауз в своей партии я упорно впивалась глазами в пюпитр, старательно изображая сосредоточенность. Наш последний номер, «В настроении» Глена Миллера, являлся своего рода визитной карточкой оркестра, и не успели отзвучать финальные ноты, как все встали и устроили нам оглушительную овацию. Она не шла ни в какое сравнение с негромкими аплодисментами, к которым я привыкла куда больше, и, к моему собственному удивлению, эта мне нравилась. Ободренная приемом публики, я почувствовала, как щеки у меня покраснелись, пока я кланялась вместе с остальными оркестрантами и сходила со сцены.

В артистическом фойе легко было затеряться среди громких похлопываний по плечам и бурных поздравлений. Я собрала свои вещи, уложила трубу в футляр, натянула куртку и уже потуже затягивала пояс, когда ко мне подошел руководитель оркестра и обнял меня за плечи. Его тревога полностью испарилась после успешного выступления, и он по меньшей мере пять раз (я считала) поблагодарил меня за то, что я их выручила.

– Мне на самом деле очень понравилось, – сказала я и с удивлением обнаружила, что это не просто вежливая отговорка. Возможно, Дэвид-из-ниоткуда оказался прав. Наверное, я действительно слишком серьезно воспринимала саму себя. Может, мне и вправду следовало вести себя раскованнее.

– Честное слово, вам обязательно надо прийти на наше очередное прослушивание, – напирал капельмейстер. – Вас непременно примут к нам в оркестр.

Я кокетливо пожала плечами, все еще в эйфории от выступления.

– Может, и приду. В любом случае очень рада, что смогла вас выручить. – Я повернулась к выходу.

– Слушайте, после выступлений мы обычно закатываемся в один из студенческих баров. Не хотите составить компанию?

Это было уже второе неожиданное приглашение за вечер, и, в отличие от первого, я поколебалась, прежде чем отказаться.

– Извините, но не смогу. Мне надо успеть на первый утренний поезд домой. Как-нибудь в другой раз.

Я вышла на улицу, отодвинув полотнище перед служебным входом в зал. За вечер сильно похолодало, и изо рта у меня вырывался пар, словно обледеневшие языки пламени из пасти дракона. Я оглянулась – вокруг, похоже, не было ни души, но я привыкла ходить одна поздними вечерами. Я поудобнее взялась за ручку футляра, пожалев о своем опрометчивом решении не брать перчатки, но не успела сделать и пары шагов, как голос Дэвида пронзил темноту, остановив меня:

– Я так и знал.

Я тотчас узнала его. У меня хороший слух, а у него выразительный голос. У меня не было причин для страха, как не было причин, чтобы сердце быстрее забилося в груди. Я медленно повернула голову и увидела, как он стоит, прислонившись к одному из подсвеченных иллюминацией деревьев, держа в каждой руке по бокалу с шампанским.

Я немного помедлила, прежде чем сделать шаг в его сторону.

– Что знал?

– Что ты не придешь. Что ты бросишься наутек, прежде чем пробьет полночь, словно Золушка, сжимая свой тромбон.

– Это не тром... – Я смолкла на полуслове и покачала головой. Он играл со мной, и я это ясно понимала. Я представлялась ему забавой, интересным развлечением, неким приятным приложением к вечеру, и я никак не могла понять почему.

– Ты не подошла к моему столику, – добродушно пожурил он меня.

– А откуда тебе знать, если ты поджидал меня здесь? – отрезала я.

– Туше! – восхищенно ответил он и протянул мне бокал. Я собиралась решительно отказаться, но вместо этого почувствовала, как мои замерзшие пальцы потянулись вперед и обхватили тонкую ножку бокала.

– Я так и знал, что ты не придешь, – тихо произнес он.

– Правда?

– Как и то, что в глубине души тебе *очень* хотелось прийти.

– Правда? – повторила я, даже не пытаясь скрыть сквозивший в моем голосе откровенный скепсис. – А ты, однако, очень в себе уверен, да?

Услышав это, он широко улыбнулся.

– Вовсе нет. Например, вот сейчас я совсем не уверен, выпьешь ли ты бокал дивного шампанского или же выльешь мне его на голову.

– Так делают только в книжках и в кино, – поучительно ответила я. – В реальной жизни так просто прекрасным напитком не разбрасываются.

Я поднесла бокал к губам, приготовившись сделать глоточек, но он протянул руку и остановил меня.

– Не так скоро, пьяненькая ты моя. Нам надо произнести тост.

– Может, кто-то из нас и пьяненький, вот только я уверена, что это не я, – отрезала я.

Верно, язык у него не заплетался, и он, похоже, совершенно твердо стоял на ногах. Однако за столиком они осушили далеко не одну бутылку, и с трудом верилось, что это обошлось без него.

В ответ на мое замечание он недовольно фыркнул, после чего высоко поднял свой бокал, кивком головы пригласив меня последовать его примеру. Я медленно приподняла руку, державшую тонкий высокий бокал.

– Смех, да и только, – пробормотала я.

– Т-с-с. Ты нарушаешь торжественность момента.

Я прикусила губу. Однозначно пьян, решила я. Ладно, подыграю немного. Один глоточек и быстро домой. До отъезда мне еще надо собрать массу вещей.

– За нас. За долгие и счастливые отношения.

– Я не стану пить за это, – запротестовала я.

– По-моему, это не накладывает юридических обязательств, – заговорщическим шепотом произнес он.

Я покачала головой, удивляясь тому, как вообще могла попасть в такую глупую ситуацию. Мне это было совершенно не свойственно.

– Ну, давай, – подбодрил он меня, явно не собираясь отступать.

– Ладно, так и быть, за нас, – скороговоркой выпалила я, наскоро сделала огромный плоток шампанского и вернула ему бокал. – Спасибо, а теперь мне действительно нужно идти.

– Тогда давай я тебя провожу, – предложил он, ставя бокалы под дерево.

– Не дури, ты же даже не знаешь, где я живу.

Он пожал плечами – как-то по-мальчишески и совершенно очаровательно.

– Наверное, не очень далеко. В любом случае у меня правило – не отпускать хорошеньких молодых женщин поздно вечером без сопровождения.

Я наклонила голову, и упавшие на лицо волосы скрыли мой смущенный взгляд. Я не привыкла к комплиментам и была совершенно уверена, что он все еще играет со мной.

– Ну, хотя бы дай проводить тебя до главной дороги, – предложил он, и я, несмотря на все свои благие намерения, согласилась.

До дороги было всего пару минут пешком, и, выйдя на нее, я с радостью заметила несколько довольно многочисленных студенческих компаний.

– Дальше я сама, – уверенно сказала я, вдруг ощутив какую-то неловкость в ярко-оранжевом свете фонарей. – Тебе, наверное, пора возвращаться к своим друзьям.

– Давай встретимся еще раз, – произнес Дэвид, подавая мне футляр с трубой, который он нес, пока мы шли. – Что ты делаешь завтра?

– Еду к себе домой в Хартфордшир.

– А как насчет того, чтобы вместе выпить кофе перед отъездом? – Я покачала головой, но он не отставал. Я почему-то подумала, что немногие девушки отказывали ему, когда он их приглашал. – Я действительно считаю, что тебе нужно зарядиться кофеином, чтобы протрезветь после сегодняшнего вечера, – серьезно продолжал он.

Я почувствовала, как мои губы начинают расплываться в улыбке. Он и вправду оказался очень забавным, и меня странным образом тянуло к нему, что начинало беспокоить.

– Вот что я тебе скажу, – предложила я. – Если ты *действительно* хочешь повидаться со мной до отъезда, я ненадолго зайду в студенческую кофейню в половине восьмого утра.

– В половине восьмого! – воскликнул он тоном человека, искренне уверенного в том, что такое время бывает лишь раз в сутки, и только вечером.

– Мне надо успеть на девятичасовой поезд. Это единственное время, когда я успеваю заскочить туда. Если хочешь со мной повидаться, то ищи меня там.

На дороге послышался приближавшийся грохот. Я подняла взгляд и со смешанным чувством увидела, что это мой автобус. Я полезла в карман и вытащила проездной. Двери с легким шипением раскрылись, чтобы впустить меня в салон. Я повернулась к Дэвиду, стоявшему на тротуаре с несколько сконфуженным лицом.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – сказал он, когда я махнула проездным в сторону усталого водителя.

– Если завтра придешь, то узнаешь, – пообещала я, когда водитель – прямо как по нотам – нажал кнопку закрывания дверей, эффектно завершив наш разговор.

Дэвид стоял на тротуаре, глядя на меня сквозь немытые стекла автобуса, пока я шла по салону. Я нашла свободное место и положила футляр с трубой на соседнее сиденье. Конечно, на завтра в кофейне он не появится. Это же очевидно. Он пришел на праздник, и веселье только начинается, так что спать он ляжет очень даже не скоро. Я была уверена, что он ни за что не встанет ни свет ни заря, чтобы повидаться с какой-то случайной знакомой, с которой

заигрывал и флиртовал накануне вечером. Наверное, он даже не вспомнит о встрече со мной, когда наступит утро. Сейчас я наверняка видела его в последний раз. Когда автобус медленно отъезжал от остановки, я прощальным жестом помахала ему в окно.

Однако на следующее утро он с явными следами похмелья на лице сидел в кофейне и ждал меня, не отводя взгляда от двери.

Шарлотта

– Можно мне его увидеть?

Врач кивнул.

– Конечно. Его скоро отправят на рентгеноскопию, поскольку нам надо провести еще несколько исследований, но вы можете посидеть с ним, пока рентгенологи все приготовят.

Я даже не решилась спросить название или узнать о сути этих дополнительных исследований. Названия меня напугают, а то, что они хотят обнаружить, нагонит еще больше страха. Я слышала лишь стук своих каблуков по блестящему линолеуму, пока шла за врачами к палате Дэвида, да еще тихие отзвуки рождественских песенок, доносившиеся из маленького приемника на сестринском посту. Казалось почти бестактным ждать приближающихся праздников, в то время как мне все следующие недели и месяцы представлялись мрачными и пугающими.

Я бросила взгляд через плечо на другую палату отделения интенсивной терапии. В дальнем конце коридора мужа Элли по-прежнему окружали медики с озабоченными лицами. Это напомнило мне, что в этот вечер не только нас пугало будущее.

– Должен вас предупредить, миссис Уильямс, – начал рыжебородый консультант с рыжей бородой, когда мы подошли к отсеку со стеклянными стенами, где лежал Дэвид, – мы дали вашему мужу очень сильное успокоительное перед исследованиями, так что он может показаться вам несколько одурманенным.

Я вытянула шею, словно зевака, глазающий на аварию, пытаюсь разглядеть Дэвида за широкими плечами врача, но видела лишь его огромную, как ворота, спину, облаченную в белый халат.

– Понимаю, – ответила я, нетерпеливо протискиваясь в палату, когда доктор наконец сделал шаг в сторону и дал мне пройти.

Там находились две медсестры, но я даже не взглянула в их сторону, когда шла к кровати на резиновых колесиках, и не помню, как опустилась на пододвинутый мне стул из литого пластика. Просто внезапно поняла, что сижу. Я слышала, как врач задает какие-то вопросы, как сестры на них отвечают, но их слова долетали до меня неразборчивыми звуками, словно пластинку играли на другой скорости. На какое-то мгновение я засомневалась, по-английски ли они вообще говорят. Надо сказать, было трудно вообще что-либо разобрать на фоне судорожно издаваемых кем-то сдавленных звуков. Лишь когда одна из сестер протянула мне маленькую квадратную коробочку с салфетками и легонько сжала мне плечо, я поняла, что эти звуки издаю я сама.

Окружавшая Дэвида стена из мониторов представлялась мне скопищем телеэкранов, каждый из которых показывал программу, которую я не желала смотреть. Они превратили Дэвида в скопление мигающих точек, диаграмм и бегущих строк. Это было все, что профессионалы видели в моем любимом человеке, все, что они о нем знали. Но было большее, гораздо большее, чего они в нем не заметили. То, чего не знала о нем даже женщина, сидевшая в комнате для посетителей в конце коридора. Эти тайны принадлежали мне. Жене.

Дэвид спал, но не так, как я привыкла видеть. Он не свернулся на боку, и не было места, куда я смогла бы вжаться, обняв его свободной рукой, и уютно прильнуть к нему до самого

утра. Не было видно ладони, нежно гладившей меня по бедру, когда я прижималась к нему, или любовно ласкавшей во сне мою грудь.

Его голова судорожно дернулась на накрахмаленной больничной наволочке, и сестра, стоявшая ближе к нему, осторожно тронула его за плечо.

– Мистер Уильямс, проснитесь, к вам посетительница.

Веки его дрогнули, и мне до боли захотелось увидеть прекрасную голубую бездну его глаз. Но меня тут же охватил страх, что если он откроет их, то заметит все горести и переживания, отпечатавшиеся на моем лице.

– К вам пришла жена, – тихо продолжала сестра.

– Жена, – повторил Дэвид заплетаящимся от воздействия лекарств языком. – Нет, ее здесь нет. Она в Нью-Йорке.

Сестра бросила на меня вопросительный взгляд, но я лишь покачала головой. Где-то в полусне он все еще помнил о своем рождественском сюрпризе.

– Я здесь, рядом, Дэвид, – сказала я, переплетая пальцы своей левой руки с его и слыша, как успокаивающе звякнули друг о друга наши обручальные кольца.

– В Нью-Йорке, – повторил он, ловя ртом воздух.

– Тише, тише, – успокаивала я его. – Береги силы. Нью-Йорк подождет, пока ты не поправишься, – пробормотала я, уже не думая о том, что выдаю себя.

– Нет, – ответил он, пытаясь выбраться из забытья и заставить меня понять. – У елки, в Нью-Йорке. С огнями. Они играли нашу песню.

– Вы знаете, о чем он говорит? – шепотом спросила сестра.

Я кивнула, и мои глаза наполнились слезами, когда на меня нахлынули воспоминания.

– На катке, – продолжал Дэвид как будто звучащим из прошлого голосом. – У елки. – Слезы текли у меня по лицу, слишком обильные, чтобы их унять. – Там играла музыка, прекрасная музыка.

Я слабо улыбнулась сквозь слезы.

– Да. Я помню ее. И *всегда* буду помнить.

– Она играет, знаешь... Она играет музыку. В оркестре.

Элли. Девять лет назад

– Ты готова, дорогая? Нам нельзя опаздывать.

Я неохотно сползла с кровати и открыла дверь спальни, чтобы ответить маме, стоявшей в коридоре на первом этаже.

– Уже надеваю туфли, – соврала я, взглянув на свои ноги в черных лакированных балетках, тех самых, что были на мне вечером неделю назад. В двадцать третий раз (серьезно переживая, не развивается ли у меня обсессивно-компульсивное расстройство) я проверила папку «Входящие сообщения» в телефоне. Ничего. Я выключила звонок мобильного и положила его в карман нарядной красной туники, под которую надела плотные черные колготки, быстро посмотрелась в зеркало, провела расческой по длинным каштановым волосам, подавила желание напоследок еще разок заглянуть в телефон и быстро сбежала по лестнице в коридор на первом этаже, где меня уже ждали родители.

Они не надели пальто, да в этом и не было нужды, поскольку мы отправлялись в соседний дом выпить по бокалу рождественского шерри. Эту традицию мы соблюдали, сколько я себя помнила, и она явно зародилась еще до того, как нам с Максом разрешили пить алкоголь. Однако за предшествующие этому годы мы прошли путь от апельсинового сока с газировкой в больших стаканах и пузырящейся пепси-колы с кубиками льда до пенистого коктейля из яичного ликера с лимонадом, пока, наконец, не достигли головокружительных алкогольных высот в виде бокала янтарно-золотистого шерри. Честно говоря, меня вполне

устроивал яичный ликер с лимонадом, но тогда я не отличалась привередливостью в части напитков.

Мы прошли по нашей коротенькой дорожке, выложенной разномастными камушками, резко повернули направо и вступили на точно такую же тропку, ведущую к дому соседей. На двери висел огромный венок из плюща, почти закрывавший молоточек, но мама Макса уже поджидала нас в коридоре и распахнула дверь с веселым возгласом: «С Рождеством! Заходите! Заходите!»

Мы прошли за ней в небольшую гостиную, представлявшую собой зеркальное отражение нашей. С карнизов, словно флаги, свисали рождественские украшения, а весь эркер занимала елка, сверкавшая огнями так ярко, что мне оставалось лишь надеяться, что мимо дома случайно не пройдет кто-нибудь, страдающий эпилепсией. Из музыкального центра неслась рождественская музыка, и меня вдруг как-то странно кольнуло, когда я узнала песню, ту самую, которая звучала в кофейне во время нашей с Дэвидом утренней встречи семь дней назад. Семь утренних часов, семь дней и семь ночей. И ни одного сообщения. «И о чем это тебе говорит, дура ты набитая? – спрашивала я себя. – Просто забудь о нем».

С дивана, стоявшего у пылающего камина, встал мужчина и, сбросив с колен огромную недовольную рыжую кошку, заключил меня в крепкие объятия.

– Ну, с Рождеством, – сказал он, прижимая меня к своему высокому поджарому телу. Потом, держа меня за плечи, отстранился и обзрел мой наряд. – Ты выглядишь прямо как помощница Санта-Клауса, – заметил он.

– Именно так я и хотела смотреться, – ответила я.

– Всем сидеть, сидеть, сидеть, – быстро приказала нам мама Макса, словно дрессировала собачек. Она торопливо закружилась по комнате, держа в руках тарелки с устрицами в беконе, колбасками в тесте и прочими рождественскими лакомствами.

– Как всегда, в своем репертуаре, – заметил Макс, усаживая меня на диван, с которого только что поднялся. – Так что, Санта-Клаус пролетел над твоим домом?

– Ну, разумеется, – ответила я, беря небольшой бокал шерри с подноса, который держал в руках отец Макса. – Новые сапожки, компакт-диски и масса благовоний. А над твоим?

– В этом году сей тупой псих умудрился протолкнуть сквозь дымоход швейную машинку, – сообщил Макс с чрезвычайно довольным видом.

– Ух ты! Ту дорогую, что ты показывал мне в каталоге?

– Ну да, – кивнул он, затаскивая обратно на колени явно ожиревшую рыжую кошку по кличке Лепешка. – Я до сих пор чувствую себя виноватым. Это куда больше, чем они обычно тратят мне на подарок.

Я легонько сжала его руку, заметив, что это уже настоящая мужская ладонь.

– Когда ты разбогатеешь и сделаешься известным кутюрье, купишь им особняк. И вы будете квиты.

Он широко улыбнулся и потрепал меня по волосам, чего я терпеть не могла, и он это прекрасно знал. Макс был моим самым близким другом. Лишь по нему я скучала, когда уехала изучать музыку в университете, а он отправился в колледж учиться на модельера.

– Ну, – спросил он, запихивая в рот колбаску в тесте, – дал ли о себе знать сказочный-пресказочный принц?

Я резко толкнула его в плечо.

– Прекрати его так называть. Я уже жалею, что вообще тебе о нем рассказала. Особенно когда похоже на то, что он вообще не позвонит.

Макс обнял меня за плечи и резко притянул к себе.

– Значит, он слишком туп, чтобы быть достойным тебя. В конечном счете тебе придется выйти за меня. – Он улыбнулся.

Видя ободряющие взгляды, которыми обменялись его мама с папой, я поняла, что для них это бы стало наилучшим из всех воображаемых исходов. Для Макса и меня... не совсем.

– Я не то чтобы хочу оправдать его, – добавил Макс, вдыхая аромат устриц в беконе с салфетки, которую бережно охранял от самой голодной кошки в мире, – но ты должна признать, что не облегчила ему задачу. Могла бы и дать ему свой номер.

Я скривилась, однако знала, что он прав. По какой-то загадочной причине я намеренно устроила все так, чтобы Дэвиду стало невероятно трудно связаться со мной, словно подвергала его какому-то испытанию. Мне до сих пор не верилось в то, что он действительно ждал меня, когда я вошла в теплую кофейню, волоча за собой тяжелый чемодан на колесиках.

Под глазами у Дэвида виднелись небольшие темные круги, но даже они не портили сногшибательной красоты его лица. Как бы то ни было, в дневном свете, одетый в джинсы и рубашку, он выглядел даже лучше, чем накануне вечером в парадном костюме.

– Доброе утро, – поздоровался он, выдвигая для меня стул у небольшого столика. – Я взял тебе кофе. – Он подал мне пластиковую чашку.

Приятно удивленная, я покачала головой, опускаясь на стул и расстегивая теплую куртку.

– Вообще-то я и не думала, что ты придешь. Была уверена, что будешь еще спать.

Он слегка улыбнулся, отчего пульс в моей сонной артерии пустился вскачь.

– «Еще спать» пока что не получилось, – уныло признался он. – Когда подали «завтрак для уцелевших», лечь уже не было особого смысла.

– Ты, наверное, жутко устал.

– Да нет. Я умею справляться с недосыпом, – сказал он. – За три года вполне этому научился.

В этом я нисколько не сомневалась. В любом университете студенты подразделялись на множество категорий, начиная с ботаников-зубрил, которые практически жили в библиотеке, и заканчивая завзятыми гуляками, у которых лишь под пыткой можно было узнать, где же находится эта самая библиотека. Я подозревала, что мы с Дэвидом располагались в противоположных областях этого спектра. Я приехала получить образование, чтобы потом найти себе работу по душе. Мне казалось, что он шел по проторенной дорожке к уже обеспеченному будущему, какой бы диплом ни получил.

– Ну что, таинственная девица, скажешь ли ты теперь мне свое имя, коль скоро это наше второе свидание? Пора бы мне его узнать, как ты считаешь?

– Это не свидание, – поправила его я.

– Я купил тебе кофе, – ответил он, кивнув на чашку, из которой я отхлебывала.

Я тотчас же полезла в объемистую сумку на ремне, которую поставила у стула, и вытащила кошелек.

– Извини, – сказала я, чувствуя, как на щеках у меня выступает румянец. – Сколько я тебе должна?

На нескольких свиданиях, на которые я все-таки *ходила* во время учебы в университете, счет делился ровно пополам, и у меня никогда не возникало никаких проблем.

– Убери деньги, – проворчал Дэвид, искренне потрясенный тем, что я подумала, будто он просит меня расплатиться. – Давай начнем сначала, идет? – продолжил он и протянул мне руку через стол. – Меня зовут Дэвид Уильямс. Я на третьем курсе экономического факультета, а родом из Гемпшира. Люблю греблю, лыжный спорт и знакомиться на рождественских балах со странными девочками, играющими на трубе.

– Очень похоже на представление на студенческой телевикторине, за исключением последнего пункта, – ответила я, стараясь не рассмеяться, когда ненадолго позволила ему задержать мою руку в своей ладони.

– Последний пункт – самый важный, – серьезно заметил он, и от этих слов у меня почему-то засосало под ложечкой. – Итак? – спросил он и улыбнулся мне ободряющей улыбкой.

– Меня зовут Элли, это уменьшительное от Александры, и я играю на трубе.

– И это *все*? Все, что мне позволено узнать? А что я скажу, когда меня спросят о моей новой девушке? Я выставлю себя на посмеище, когда придется отвечать, что я о ней ничего не знаю.

Он снова пошел по кругу, делая вид, что эта глупая игра во флирт действительно чем-то закончится, а мне не хватало ни хитрости, ни опыта, чтобы знать, как себя вести.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь тебя спросит, потому что я не твоя девушка.

– Это пока, – ответил он с уверенностью, которая окончательно сбила меня с толку. – Но скоро ею станешь.

В его словах слышалась целеустремленность, которая в равной мере и взволновала, и напугала меня. Но я твердо решила не становиться очередной строкой в списке его постельных подвигов, из-за чего, как я опасалась, и затевалась вся эта канитель со знакомством. Может, кто-то из его друзей поспорил с ним, что он меня не добьется? Может, они даже сделали ставки? От одной мысли об этом мне сделалось нехорошо, но, в общем-то, все выглядело достаточно правдоподобно. Посмотрим-ка правде в глаза. Люди вроде него встречались с девушками, принадлежавшими к их кругу. В моем кругу «поло» называли круглую ментоловую конфету с дырочкой, а среди его друзей – игру, в которую играли все, принадлежавшие к его касте.

– Значит, это действительно все, что ты хочешь мне сказать? – удивленно спросил он. Я кивнула.

– Все это забавно, но давай-ка на этом и закончим. Спасибо за кофе, но теперь мне действительно пора идти, если я хочу успеть на поезд.

– Не знаю, что уж ты обо мне думаешь, но я не из тех, кто привык играть в игрушки, – произнес он, и внезапно в его глазах резко поубавилось веселости. – Ты мне интересна, трубачка Элли. По-настоящему интересна.

Я встала, нервно прикусив нижнюю губу. Будь я поглупее, я бы и вправду поверила в искренность его слов.

– Дай мне свой номер, – попросил он, вынув телефон и приготовившись внести меня в контакты.

Я покачала головой.

На его лице появилось раздражение.

– Тогда скажи свою фамилию, – снова попросил он.

Я опять покачала головой.

– Господи, ты и вправду собираешься заставить меня добывать информацию?

– Я не строю из себя недотрогу, – ответила я, продолжая стоять.

Он было собрался подняться, но я остановила его, положив ему руку на плечо и почти потеряв ход мыслей, когда почувствовала, как под моей ладонью упруго выиграли сильные мускулы.

– Мне просто кажется, что нет особого смысла превращать это во что-то, что обернется пшиком.

– Я обязательно найду твой номер и обязательно тебе позвоню, – торжественно пообещал он.

Я улыбнулась ему, вытягивая выдвижную ручку чемодана и ставя его на колесики.

– Ну, хорошо. Давай, дерзай, и, возможно, тогда я поверю, что ты действительно человек серьезный, – ответила я, направляясь к двери.

– Жди от меня новостей, – громко произнес он мне вслед на всю практически безлюдную кофейню, когда я повернула ручку двери и в лицо мне ударил порыв ледяного декабрьского ветра.

Вот только прошло уже семь дней, а новостей все не было.

Шарлотта. *Шесть лет назад*

Было холодно, так холодно, как может быть только в Нью-Йорке в самый разгар декабря. Я куталась в теплые вещи, однако, несмотря на зимнюю одежду, шарф и плотную мохеровую шапочку, Большое Яблоко упорно продолжало меня морозить.

Мы провели здесь всего четыре дня, и Дэвид спланировал это наше первое совместное путешествие с почти военной педантичностью. Он хотел, чтобы все прошло идеально. Так и случилось.

В качестве подарка на день рождения он сделал мне сюрприз – билеты на самолет. Забронировал места на рейсах, номера в гостиницах и даже тайком связался с моим начальством и обеспечил мне небольшой отпуск, причем так, что я ничего и не заподозрила. Я чуть не прослезилась, когда он протянул мне конверт с билетами за столиком в фешенебельном французском ресторане, куда пригласил меня на ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.